

КАРПАТСКІЕ ГОРЦЫ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. *Іосифа Корженёвскаго.*

Ныма рыбы въ Черемоши,
Всю попла счука;
Повислы Тыховьчука
И Ревизорчука.

Народная пѣсня горцевъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Ревизорчукъ, молодой горецъ.

Марѳа, мать его.

Параша, его невѣста.

Максимъ Тыховьчукъ, старый горецъ, дядя Парашин.

Прокопъ, стражникъ.

Анна, жена его.

Гершко, арендаторъ въ мѣстечкѣ близъ Львова.

Фельдфебель.

Мандатарій въ горской деревнѣ Жабѣ (*).

Циркулярный комиссаръ изъ мѣстечка Куть.

Пѣхотный офицеръ.

Горцы различнаго возраста и обоего пола. Разбойники (опрышки). — Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Карпатахъ, между деревнею Жабѣ и венгерскою границей по рѣкѣ Черемошь.

(*) Родъ Стаповаго Пристава, содержимаго на-счетъ обывательской повинности (сѣора).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Площадь передъ корчмой въ деревнѣ Жабѣ. Гуцулы, мужчины и женщины, въ праздничномъ платьѣ; старики сидятъ за столомъ, молодые подлѣ женщины и дѣвокъ. Мужчины одѣты въ узкія куртки безъ рукавовъ, на бараньему мѣху; широкій поясъ, набитый мѣдными гвоздями; панталоны синіе или красные, съ выпущенными поверхъ ихъ рубашками; на ногахъ легкія кожанныя сандалии, за поясомъ ложка, ножъ и пара пистолетовъ; длинныя волосы падаютъ въ кудряхъ на плечи, круглыя черныя шляпы, съ широкими полями, съ перомъ; на плечахъ, короткій до колѣнъ, малиноваго цвѣта плащъ безъ рукавовъ, отороченный черными шкурками, привязанный такимъ-же шнуркомъ подъ шею. У каждаго виситъ на лѣвой рукѣ топоръ. Женщины одѣты, какъ Галиціанки. У дѣвокъ въ косички, собранныя на верху головы, вплетены малиноваго цвѣта тесемки и ленты; спускающіяся пзъ за ушей на грудь; рукава рубашекъ вышиты; рубашки безъ воротниковъ стянуты подъ шею; на шеѣ бусы изъ коралловъ съ лукачамъ (*). Передъ полянтіемъ завѣса слышны ноты пародной вѣсни, Коломыйки, съ аккомпанементомъ флейты.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ (оканчиваетъ пѣсню).

Ужъ вамъ больше не зазвонять
Звоны Коломыи

максимъ (встаетъ изъ-за стола и выходитъ на средину).
Полно вамъ! Пора перестать. Терпѣть не могу этой пѣсни.
Всегда она предвѣщаетъ что-нибудь недоброе.

(*) Лукачь — лукать, — монета.

параша. Почему-жъ такъ, дядюшка Максимъ!

максимъ. А вотъ-почему. Когда меня брали въ рекруты, какой-то чортъ запѣлъ мнѣ эту пѣсню. Пятнадцать лѣтъ носилъ я за нее карабинъ и надѣвалъ черные штиблеты. Теперь, когда Нѣмцы — дай имъ Богъ здоровья! выпустили меня и позволили увидѣть опять родныя поля и ели; теперь не хочу, чтобъ и спился мнѣ бѣлый мундиръ. Ей! Одеа, поди-ка сюда, да заиграй мнѣ любимую мою пѣсенку, — я на старости лѣтъ пропою ее по-своему.

(Федоръ выходитъ изъ толпы съ флейтою, играетъ, — вслѣ окружаютъ его; Максимъ поетъ).

п ѣ с н я .

1.

Ничего намъ нѣтъ милѣй
Золотой свободы.
И луговъ родныхъ полей,
Матери-природы.

2.

Любы намъ родныя горы,
Черемошн бурный плескъ,
И въ лѣсахъ птицъ Божьихъ хоры,
Въ темну-ночь звѣздъ яркой блескъ.

3.

Веселитесь, горы братья,
Пейте сладкой медъ родной;
Забъжайте, братья сватья,
Къ молодницѣ удалой.

4.

Но когда зима нагрянетъ,
Сибгъ покростъ верхн горъ,
Прочь веселье, — часъ наступетъ
Завести кровавый споръ!

5.

О! тогда-то, на свободу,

На коня — и ногу въ стремя, —

Въ бурю, въ громъ и въ непогоду —

Пусть насъ помнитъ вражье племя!

старикъ. Спасибо, Максимъ, спасибо. Правду ты говорилъ. Такъ было всегда — и доброе время то было.

Одинъ пзъ молодыхъ горцевъ. А развѣ теперъ дурно, дѣдушка? Взгляни-ка на насъ: чѣмъ мы не молодцы? а дѣвки наши—глянь-ка на нихъ—чѣмъ не молодницы?

(Хватаетъ за руку одну изъ дѣвокъ и показываетъ ее старикамъ; она вырывается и убѣгаетъ).

старикъ. Правда. Не дурно для васъ и теперъ, по можетъ придти и худо. Вотъ для насъ стариковъ такъ уже все-равно. молодой горецъ. Будетъ, что Богъ дастъ, дядюшка.

максимъ. Ладно, люблю тебя за это: будетъ, что Богъ дастъ. Ну, а теперъ, благо похвалили мою пѣсню, дай-ка, шинкарка, водки, я плачу. *(Пьетъ)*. Хорошая водка! Поднеси-ка ее и старичкамъ. Пейте, братцы, за здоровье нашихъ молодцовъ и молодницъ.

молодые горцы. Спасибо, спасибо.

параша *(подходитъ къ Максиму и ласкается)*. Спасибо, дядюшка Максимъ.

максимъ. Ну-ка, дѣти, испробуемъ, чай топоръ лучше. Бывало, когда еще не взяли меня въ солдаты, никто не смѣлъ равняться съ Тыхоньчукомъ, а теперъ Богъ знаетъ. — Эй, посторонитесь!... Много-ли отсюда шаговъ до дерева?

несколько голосовъ. Десять.

максимъ. Десять?... Ладно. Ну-ка, примемся по-старому, подавшишему. Кто хочетъ бросать со мной топоръ.

несколько горцевъ. Я, — и я, — и мы.

максимъ. Ладно, ладно. Воля, хуже неволи. Стыдно вамъ будетъ, какъ старикъ возьметъ верхъ надъ вами... Держи, Праксида. *(Отдаетъ ей свою шляпу)*. Бросьте-ка въ шляпу по пяти крейцеровъ, каждый. Кто отрубитъ вонъ эту вѣтку, въ десяти шагахъ, того и деньги.

прокопъ. Постойте. *(Бросаетъ въ шляпу цванцигеръ)*.

параша. Ого, какой щедрый! бросилъ цванцигеръ.

прокопъ. Не бойся, моя милая. Онъ вернется ко мнѣ.

Параша. Можеть-быть, если не найдется никого половче тебя.

Прокопъ. А кто-же-бы могъ быть половче меня? а?

Параша. Ужъ будто ты и не знаешь, о комъ я намѣкаю? Если-бъ онъ здѣсь былъ, такъ я-бы и свои бусы съ дукачами бросила въ шляпу.

Прокопъ. Для меня?

Параша. Завтра; — дождайся.

Максимъ. Ужъ не твой-ли Антоиъ Ревизорчукъ, такой хватъ? А! посмотрите-ка, какъ она покрасѣла, — вѣрно, отгадалъ? (*Параша киваетъ ему, съ лукавой усмѣшкой*). Ну, когда такъ, то подождемте Антона.

Прокопъ. Вотъ еще! Цѣлый мѣръ будетъ ждать одного! Старикъ — молокососа.

Молодой горецъ. Видно, не по вкусу ему пришелся топоръ Антона?

Параша. Вѣдь цванцигеръ — это не шутка!

Нѣсколько горцевъ. Бонятся.

Прокопъ. Ну такъ ждите, если вамъ хочется. (*Въ-сторону*). Проклятый мальчишка!

Молодой горецъ. Не долго будете ждать — посмотрите, вотъ в онъ идетъ.

ЯВЛЕНИЕ П.

Антоиъ (*входя поспѣшно*). Что у васъ тутъ дѣлается? Что у тебя въ рукахъ, Параша?

Параша. Подержи, Антоиъ! (*Отдаетъ ему шляпу; снимаетъ съ себя бусы, и бросаетъ ихъ въ нее*). Только, смотри, не обмани меня — выигранъ закладъ. (*Грозитъ ему*).

Антоиъ. Что это значитъ?

Максимъ. Закладъ, Антоиъ. Кто отрубитъ воиъ эту вѣтку, тотъ возметъ все, что ни лежитъ въ шляпѣ.

Параша. И мои бусы, не забудь!

Антоиъ. Ладно; — только въ десяти шагахъ, это мало; отойдемте на двадцать.

Прокопъ. Согласенъ; на двадцать.

Горцы. И мы, и мы согласны!

Антоиъ. Старикъ можно и на десять.

Максимъ. Нѣтъ, не хочу, я буду бросать въ двадцати шагахъ, какъ и всѣ вы. Не позаду... скажете, что старъ — и баста!

А если попаду въ десяти, то станете говорить: не велика штука — попасть въ десяти шагахъ! Нѣтъ, не хочу. Еще пожалуй, возьмь-бы бусы Праксиды, которыя не для меня она бросила.

ПАРАША. Не для тебя, дядюшка, не для тебя.

МАКСИМЪ. Отмѣряйте шаги. Я начинаю.

(Омѣриваютъ шаги. Максимъ становится на назначенное мѣсто, и бросаетъ топоръ).

всѣ. Промахнулся.

СТАРИКЪ *(за столомъ)* Садись-ка лучше съ нами за столъ, Максимъ; это не наша работа.

нѣскольکو голосовъ. Кто теперь?

МАКСИМЪ. Пусть назначитъ Параша.

АНТОНЪ. Параша! меня послѣднимъ.

ПАРАША. Федя! *(Федоръ бросаетъ топоръ).*

ГОРЦЫ. Промахъ!

ПАРАША. Черный! *(Черный бросаетъ).*

всѣ. Промахъ!

нѣскольکو голосовъ. Это далеко. Мы не хотимъ.

ПРОКОПЪ. Пустите-же меня теперь. Клянъ, Параша.

ПАРАША. Стражникъ! наушникъ Мандатарія! *(Проконъ выходитъ).* Ахъ, это ты, Проконъ? *(Всѣ слыются; Проконъ бросаетъ топоръ).*

одинъ изъ горцевъ. Зацѣпилъ за вѣтку, да не отрубилъ ее. Жаль!

ПАРАША. Жаль цванцигера. Можетъ-быть, его далъ Мандатарій за какую-нибудь новую ложь.

АНТОНЪ. Молчи, Параша!

ПРОКОПЪ. Смѣйся! Теперь смѣешься, а скоро заплачешь.

АНТОНЪ. Напрасно грозилъ ей. Она моя; а меня, ты знаешь, не легко застрашать. Ну, Параша.

ПАРАША. Антонъ! *(Съ улыбкой показываетъ ему на шляпу).*

ПРОКОПЪ. Пойдите! А если опъ не отрубитъ вѣтки? Мой топоръ задѣлъ ее.

всѣ. Тогда разсудятъ старики.

ПАРАША *(топаетъ ногою)*. Не безпокойтесь. Кто вамъ сказалъ, что опъ не отрубитъ вѣтки?

АНТОНЪ. Посторонись! *(Бросаетъ топоръ. Нѣскольکو горцевъ бѣгутъ и приносятъ стѣжку).*

МОЛОДОЙ ГОРЕЦЪ. Взгляните-ка, какъ бритвой отрубилъ.

(Параша бросается къ Антону на шею. Онъ отдаетъ ей бусы. Она вынимаетъ изъ шляпы цванцигеръ и

показывает его Прокопу, который отворачивается. Встѣ сльются).

антонъ. Хозяйка! на всё эти крейцеры дай намъ пива. Пейте, братцы! Кто знаетъ, что будетъ завтра? Сегодня паше, а завтра, можетъ-быть, государево. (Пьетъ, потомъ беретъ Парашу). Одея, играй! (Вальсируетъ съ Парашею).

молодые горцы. Перестань, Антонъ. Скажи памъ: ты что-то знаешь.

антонъ. Ужъ конечно что-нибудь знаю. Послушайте, я былъ въ Яворовѣ и встрѣтилъ тамъ знакомыхъ господъ, которые будутъ въ Буркутъ (1). Въ прошломъ году я занимался у нихъ (2). Добрые господа! — Я ихъ любилъ и они меня любили. Ходили со мной въ запуски на Черную-гору, — они верхомъ, а я пѣшкомъ. Не одиъ цванцигеръ перешелъ отъ нихъ въ мои руки, за то, что я спускалъ съ горы елку и доставалъ ее топоромъ. Вѣдь и вы на это мастера?

молодые горцы. Ну, не каждый. Это не легкое дѣло.

прокопъ. Что-же эти господа говорили тебѣ?

антонъ. Любопытенъ болыпо! Чуешь видно, что не далеко ваше живво. Хоть ты и стражникъ, а не ловишь въ норѣ лисцу, не гонишься за серпой по ярамъ, не борешься въ лѣсахъ съ медвѣдемъ; ты, братъ, ловишь гуцула и предаешь его Нѣмцамъ. Ступай-ка отсюда прочь; меня не проведешь. То, что я скажу теперь, тебѣ скажетъ на-ухо Мандатарій.

прокопъ. Можетъ-быть, ужъ и сказалъ.

молодой горецъ. Скажи поскорѣй, Антонъ, что говорили тебѣ эти господа?

одиъ изъ горцевъ. Говори, ради Бога! Мнѣ такъ вотъ и кажется, что пѣмецкая лапа щекотитъ меня подъ шею.

(1) *Буркутолиз* называется минеральный источникъ, похожій на Кавказскій Нарзанъ, но заключающій въ себѣ нѣсколько болѣе сѣры. Мѣстечко Буркутъ лежитъ въ двухъ или трехъ часахъ ходьбы отъ Венгерской границы, проходящей въ этомъ мѣстѣ черезъ гору Ченчымъ.

(2) Последнее мѣстечко у подошвы горъ — Косовъ. Оттуда два дня коннаго пути до Буркута. Между Носовымъ и Буркутомъ лежатъ по рѣкѣ Черемошъ три горскія деревни: Яворовъ, Криворотня и Жабъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе драмы. Деревни эти чрезвычайно живописны; Гуцулы изъ всѣхъ трехъ деревень обыкновенно собираются въ Яворовѣ, гдѣ и ожидаютъ проезжающихъ. Они занимаются перевозить путешественниковъ, и потомъ остаются у нихъ для услугъ, за три или четыре цванцигера.

антонъ. Вотъ что сказалъ мнѣ панъ Янъ Мельбаховскій, увидѣвъ меня: «А что, Антонъ, бѣда вѣдь недалеко. У насъ уже берутъ рекрутовъ».

молодые горцы. Рекрутовъ!

женщины. Рекрутовъ!

дѣвк. Рекрутовъ! Ахъ, Боже мой!

антонъ. Крейсгауптвагъ (*) Коломыйской говорилъ пану Яну, что ужъ и циркуляры о наборѣ разосланы. Пани Мельбаховская совѣтовала мнѣ быть осторожнымъ. «Берегись, Антонъ; — жаль будетъ, если они возьмутъ тебя», — говорила она мнѣ. Воля Божія, воля царская, — отвѣчалъ я... Впрочемъ, за себя я не боюсь, за мной законъ: вѣдь я одинъ сынъ у матери.

прокопъ (въ сторону). Не поможетъ тебѣ это.

одинъ изъ молодыхъ горцевъ. Счастливъ ты, Антонъ. А вотъ я такъ не одинъ сынъ у матери.

другой горецъ. Не всё, — чортъ возьми — такъ счастливы! Вотъ у меня такъ сестеръ и братьевъ, какъ ягнятъ въ сараѣ.

другие горцы. Плохо! плохо!

максимъ (отводя ихъ къ авансценѣ). Ты не одинъ у матери? — и ты также? и ты?...

нѣсколько горцевъ. Ахъ, такъ, такъ, Максимъ.

максимъ. И что-жъ изъ этого? А посмотрите-ка, братцы, вокругъ себя? Что вы видите?

нѣсколько горцевъ. Что?... кромѣ горъ мы ничего не видимъ.

максимъ. А вы развѣ забыли, что въ горахъ овраги, въ которыхъ не бывала нога Нѣмца, что въ горахъ пещеры и дѣбри, что ты можешь пролежать гдѣ-нибудь подъ камнемъ, и сто Нѣмцевъ пройдутъ мимо, не увидѣвши тебя, — что въ горахъ ели и сосны, наваленныя одна на другія, съ незапамятнаго времени, гдѣ васъ и гончая собака не пропюхаетъ, не только табашный стражникъ. — Что-жъ вы стоите, глупыя головы? не понимаете развѣ?

молодой горецъ. Ну, какъ не понимать: вѣстимое дѣло. Спасибо тебѣ, Максимъ, спасибо за добрый совѣтъ.

другие горцы. Братцы, — не надо терять времени! — Будьте здоровы, старички! Прощайте, тетушки; — прощайте, красныя дѣвцы. (Обнимаются и уходятъ).

(*) Должность Крейсгауптмана, въ Австрій, соответствуетъ нашему Земскому Исправнику.

СТАРИКЪ. Пора и намъ домой. Спасибо за шиво, Антопъ.

(Встаютъ и расходятся).

АНТОПЪ (указывая на Прокопа). Скажите ему спасибо, дѣдушки; вѣдь его цванцигеръ. Параша! ступай домой, а я пойду къ матушкѣ.

(Выходятъ).

дѢВКИ (взявшись за руки поютъ и уходятъ).

Охъ, далеко ихъ погонять,

Поплачуть родные;

И ужъ больше не зазвонятъ,

Звоны Коломыи.

(Сцена пустѣетъ, пѣсня замираетъ въ отдаленіи; остается одинъ Прокопъ. Въ суровой задумчивости, блѣдный и беспокойный, онъ стоитъ въ глубинѣ сцены. Осматривается, и, не видя никого, встаетъ и подходитъ къ-авансценѣ).

ПРОКОПЪ (по минутномъ молчаніи). Дѣлай, что хочешь; ничего не поможетъ. Вырости разомъ собаку съ волкомъ: перегрызутся, какъ будутъ въ силахъ. Много есть въ нашей сторонѣ лхихъ парцей, которые любятъ меня. Когда ни приду къ нимъ, поклонятся и почестятъ доброй водкою. — Съ ними мнѣ хорошо: и поболтаешь, и развеселишься подъ-часъ. Только придетъ этотъ проклятый молокососъ, подниметъ голову, задеретъ къ верху носъ, то у меня вотъ такъ и поскребетъ по сердцу, — станетъ такъ душно, такъ мократно, какъ будто-бы намъ двоимъ тѣсно жить на бѣломъ свѣтѣ и — чортъ знаетъ! — за что его всѣ здѣсь такъ любятъ? — Гдѣ ни покажется, вездѣ на него такъ вотъ и тарашатъ глаза. Пусть-бы еще дѣвки — ну, не дяво, чортъ съ ними! — двадцать-три года, кровь съ молокомъ, черный усъ и вустыя кудри — па нихъ, какъ уда па рыбу, какъ кашкапъ на лисичу! Зачѣмъ-же старики слушаютъ его, когда онъ заговоритъ? (Пауза)... Рекруты?... г-мъ!... Еслибъ остричь его, какъ барапа, да вырвать изъ рукъ этотъ проклятый топоръ, если-бъ всунуть ему ружье въ руки, да затянуть въ тѣсный мундиръ, какъ выбѣлцаго Пѣмца... о! славно-бы тогда было, — запрыгало-бы мое сердце съ радости. (Останавливается и по минутъ паузы)... Охъ, трудно, трудно; — хлопотъ съ нимъ будетъ не мало. Съ нимъ и десятеро не совладаютъ; притомъ-же онъ одинъ сынъ у матери... А! вотъ и господинъ Мандатарій... Онъ мнѣ посовѣтуетъ въ этомъ дѣлѣ. Ого! что-нибудь и онъ замы-

шляеть недоброе: идетъ потихоньку и шепчетъ... Теперь опъ, какъ волъ, который важрался травы и жуеть жвачку, — готовясь на поило.

мандатарій (*медленно приближается*). А!... Здорово, Прокопъ.

прокопъ. Много лѣтъ здравствовать господинъ Мандатарій, — желаю вамъ всякаго благополучія!

мандатарій. Ну, что скажешь?

прокопъ. Да ничего, сударь. Въ головѣ на новости также пусто, какъ въ кармаиъ на крейцеры.

мандатарій. А я такъ вотъ скажу тебѣ кое-что. Изъ уѣзда полученъ циркуляръ: велѣно брать рекрутъ.

прокопъ. Рекрутъ? а откуда ихъ взять, господинъ Мандатарій.

мандатарій. Какъ, откуда ихъ взять? Развѣ у насъ мало молодцовъ, которые умѣли-бы стать подъ ружье?... Велика, братецъ, миѣ принести пива.

прокопъ (*стучитъ въ окно корчмы, и подаетъ Мандатарію кружку съ пивомъ*).

мандатарій (*пьетъ*). А зачѣмъ-же вы — стражиники, какъ не за этимъ? Нельзя-же оставить гуцуловъ на одной барщинѣ, которую они отираваютъ двѣнадцать дней въ году, цѣпляются по горамъ, рубя сосны на засѣки. Вамъ недалеко ходить для того, чтобъ исполнять мои предписанія. За тѣмъ я и Мандатарій, чтобъ приказывать вамъ брать рекрутъ; за тѣмъ вы и стражиники, чтобъ брать ихъ. А? не такъ-ли?

прокопъ. Такъ, такъ, господинъ Мандатарій. Все это хорошо, если въ деревняхъ ничего не знаютъ, когда можно на нихъ напасть въ распахъ, какъ на лисцу въ капканъ. А какъ они разбѣгутся въ горы, позалазятъ въ норы, какъ кроты, — спрячутся въ расщелины скалъ, какъ ящерицы, — прилѣпятся къ соснамъ, какъ дятлы, то ужъ тутъ ихъ и самъ чортъ не отыщетъ.

мандатарій. Откуда-же они узнали о наборѣ? Кто имъ сказалъ объ этомъ?

прокопъ. Кто-же кромѣ господъ, которые ѣдутъ въ Буркутъ? Кто-же съ ними всегда, какъ не Антонъ Ревизорчукъ? Вотъ и сегодня: вернулел изъ Яворова и давай трубить здѣсь о рекрутчинѣ. Вотъ сей-часъ только они отсюда вышли: пили и распѣвали, какъ на праздникѣ.

мандатарій. Говорилъ-ли опъ, что предписание о наборѣ получено уже мною.

прокопъ. Нѣтъ, этого опъ не говорилъ, господинъ Мандатарій.

мадатарій. Бездѣльникъ! А развѣ предписаніе могло придти къ кому-нибудь кромѣ меня?

прокопъ. Конечно... Но онъ даже и не вспоминалъ объ васѣ, г. Мандатарій. Рассказывалъ имъ обо всемъ такъ, какъ будто-бы васѣ и не существовало. Мои горы не дураки, въ темя не биты: давай Богъ погн, да въ горы!

мадатарій. Дурно, дурно. Велика мнѣ подать еще пива (*утирая губы*). Доброе пиво!

прокопъ (*въ-сторону*). Чтобъ тебя чортъ взялъ! Прошу покорно платить за него. (*Громко*) Господишъ Мандатарій!

мадатарій (*выпивши носую кружку*). Чтѣ?

прокопъ. Такъ какъ онъ разогналъ всѣхъ годныхъ къ рекрутчинѣ парней, то пусть самъ идетъ за нихъ. Покуда онъ здѣсь, не будетъ почтенія къ старшимъ и послушанія. Вотъ, не худо было-бы прицѣпиться къ первой дракѣ; могли-бы мы тутъ затѣять славное дѣльцо. Да нѣтъ. Гдѣ драка, тамъ и онъ. Придетъ, скажетъ слово, и какъ разъ мировая. А его-ли это дѣло мирить да соглашать? Прямо вмѣшивается онъ тутъ въ ваше дѣло, господишъ Мандатарій.

мадатарій. Правда твоя, правда.

прокопъ. Вотъ, примѣромъ сказать, въ будни-ли, въ праздни-ли, соберутся въ деревнѣ старики парни и дѣвки, — едва онъ покажется, всѣ выпялятъ на него глаза, — каждый ему поклонъ, да привѣтъ. — Развѣ они обязаны ему кланяться?

мадатарій (*выходя изъ себя*). О, такъ, такъ, правда.

прокопъ. И если придется кого-нибудь послать, вотъ на-примѣръ, въ случаѣ проѣзда господъ въ Буркутъ, — послать имъ проводника, ходишь, ходишь, бѣгаешь сломя голову, говоришь, что господишъ Мандатарій приказалъ, — куда тебѣ! — не слушаютъ, нѣтъ никого, да и только! А пусть-ка проѣдетъ какой-нибудь изъ знакомыхъ Антону господъ; онъ только ротъ разинетъ, кажется не успѣешь и «Отче нашъ» прочитать, а ужъ двадцать полныхъ проводниковъ готовы ему на услуги.

мадатарій. О, да, да. Ужъ дамъ же я ему знать. — Попро-си-ка мнѣ еще пивца. Давно я не пилъ такого добраго пива?

прокопъ. Сегодня, на примѣръ, рассказывалъ всѣмъ, что онъ одинъ у матери, что ему ни почемъ циркуляръ господина Мандатарія.

мадатарій. Такъ онъ еще смѣется, и пусть бы еще надъ циркуляромъ, а то надъ Мандатаріемъ!

прокопъ. Его, господинъ Мандатарій, непременно надобно взять въ рекруты.

мандатарій. Правда твоя; взять, непременно взять.

прокопъ. Что за бѣда, что онъ одинъ сынъ у матери? Можно написать о немъ, какъ о негодяѣ, сказать, что разогналъ рекрутъ, что перевозитъ контрабанду изъ Венгріи, что бьетъ сторожей....

мандатарій. Насмѣхается надъ предписаніями начальства....

прокопъ. Не слушается начальства....

мандатарій. Что все слушаются его, а не Мандатарія....

прокопъ. Не прикажете-ли, господинъ Мандатарій, еще пива?

мандатарій. Давай, давай, пива, давай, а Антона бери. Я ужъ напишу реляцію.

прокопъ. Слушаю, господинъ Мандатарій. Надобно половче схватить его. Съ нимъ, что съ медвѣдемъ: того и смотри, что почешетъ по головѣ ногтями, противъ шерсти.

мандатарій. Ступай и дѣлай какъ можно осторожиѣе; а я между тѣмъ пойду отдохнуть немножко. Замучила меня эта служба!

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Переменная декораций. Театръ представляетъ комнату въ пзбѣ Антона.

ЯВЛЕНИЕ I.

МАРОА (Стоитъ въ дверяхъ, встрѣчая Антона).

МАРОА. Антоша!...

АНТОНЪ (входитъ). Матушка!

МАРОА (цѣлуя его). Какъ давно ужъ я не видала тебя?

АНТОНЪ. Пять дней, матушка.

МАРОА. Для матери тяжелы и пять дней разлуки.

АНТОНЪ. Матушка! я люблю васъ больше самого-себя, вы мнѣ милѣе жизни, — милѣе Параши....

МАРОА. Другъ ты мой, — мое золото! Вѣрю тебѣ, ты знаешь самъ, тошно-бы мнѣ было безъ тебя на этомъ свѣтѣ. Что это у тебя такъ горяча голова? Сядь подлѣ меня. Усталъ ты? Не болѣлъ-ли?

АНТОНЪ. Нѣтъ, матушка, я только усталъ; спѣшилъ къ вамъ

послѣ пяти дней разлуки. Не видать васъ и Параша — пять дней, не бездѣльца.

МАРОА (*снималъ съ него плащъ*). Параша... добрая опа дѣвушка! Да благословитъ васъ Отецъ небесный!... Сними съ себя писто-леты; они тяготятъ тебя.

(*Вынимаетъ у него изъ-за пояса пистолеты, и кла-детъ ихъ не подалеку на лавкѣ*).

АНТОНЪ. Нѣтъ матушка; оружіе не тяготитъ горца; топоръ сросся съ его рукой.

МАРОА (*снимаетъ съ руки топоръ и кладетъ его къ пистоле-тамъ*). По-крайпей-мѣрь, теперь здѣсь оружіе не пужно тебѣ. Садись поближе ко мнѣ, Антонъ, — лягъ тутъ; положи ко мнѣ на колѣни свою голову, — вотъ такъ. (*Антонъ садится на низ-кой скамейкѣ спиной къ дверямъ; — ложится на колѣни къ ма-тери и скоро засыпаетъ*). Видишь, какой ты проказникъ: пять дней бѣгалъ въ горахъ, и возвратившись, прежде чѣмъ домой, побѣжалъ въ корчму, чтобъ взглянуть на свою Парашу. Вспо-мнилъ объ ней прежде, чѣмъ обо мнѣ, о твоей матери. А ужъ я такъ давно не чесала волосъ твоихъ, такъ давно не цѣловала ихъ. (*Играетъ его кудрями. Въ это время Проконъ съ другими стражниками показывается въ открытыхъ дверяхъ и прячется за ними, ожидая удобной минуты*). Милая ты моя головушка! я выколола-бы глаза тому, кто осмѣлился-бы спать съ нею хоть волосокъ — не только прекрасныя твои кудри. Я дала тебѣ, моему дядятю, спящую руку и смѣлое сердце. Знаютъ люди, ка-кая мать родила тебя. Кто только взглянетъ тебѣ въ очи, кто заслышитъ твой голосъ, тотъ непременно назоветъ тебя орломъ карпатскимъ. (*Прислушивается*) Успуль!... Спи, дитя мое! Дай тебѣ Боже счастье, какого можетъ пожелать тебѣ мать твоя! (*Наклоняетъ въ задумчивости свою голову. Въ это время под-крадываются къ нимъ стражники, — бросаются на Антона, связываютъ ему руки. Одинъ изъ нихъ беретъ топоръ и писто-леты*).

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРОА (*вскакиваетъ съ крикомъ*). Разбойники вы! грабители!

АНТОНЪ (*уже съ связанными руками вырывается отъ стра-жниковъ, но тѣ снова схватываютъ его*). Чего вамъ отъ меня надобно? Чего вы хотите отъ меня?

прокопъ. Пойдешь, любезный, посить карабинъ; больше мы ничего не хотимъ отъ тебя.

мароа. Что?... Карабинъ?... Идти въ солдаты моему сыну?... Не дождетесь этого, разбойники! За нимъ стоитъ законъ. Одинъ опъ у меня, у матери, какъ солнце на небѣ! О, проклятый пещъ! давно ужъ ты на него лаялъ, давно скалпль зубы.

прокопъ. За то теперь ужъ не стану. Теперь связали медвѣдя, какъ барапа. Не хлопочи за него, старуха: выйдетъ пзъ него лпхой солдатъ.

лптопъ. Подлецъ! Напрасно радуешься зарапѣ. Не бойся за меня, матушка! Законъ равенъ для всѣхъ; его они не свяжутъ и не проглотятъ!... Я одинъ сынъ у матери, говорю я вамъ, — я не долженъ идти въ рекруты, — слышите-ли? *(Вырывается у стражниковъ, но тѣ окружаютъ его)*

прокопъ. Ого!... вишь, хочетъ еще учить насъ, какъ Мандатарій. А того не знаетъ, что его велѣно взять въ рекруты, какъ погодяя, какъ буптовщика; велѣно взять за то, что разогналъ рекрутъ, что проносилъ контрабанду изъ-за границы.

лптопъ. Развязаны-бы у меня были руки, послушалъ-бы я тебѣ, мерзавецъ!

прокопъ. А!... въ томъ-то п штука, что они у тебя завязаны.

лптопъ. Ахъ, матушка!... Зачѣмъ сняла ты съ меня оружіе?...

мароа. Ахъ я бѣдная! Боже, свался надо мной!

прокопъ. Ну, — маршь въ дорогу! Да держать его крѣиче, — не то ускользпеть.

мароа *(бросается къ Антону)*. Никто не вырветъ его изъ моихъ рукъ! Развѣ вы забыли, что безъ него вѣтъ для меня бѣлаго дня, чистаго неба?... Попробуйте-ка оторвать его отъ меня; — я утоплю мои пальцы въ подлыхъ глазахъ вашихъ... Пустите его!... Слышите-ли? пустите его!... О!... будьте вы прокляты, — душегубцы — злодѣи!

прокопъ. Прочь отъ него, вѣдьма, не то мы упрячемъ тебя туда, гдѣ не отыщеть и самъ дьяволь. — Оставь его; теперь ужъ опъ не твой!

мароа. Не мой?... Скорѣй рука твоя, которой ты грозилъ мнѣ, не твоя, вражій сынъ! Скорѣй змѣиный языкъ, которымъ смѣешь ты стращать мнѣ, не твой! Антонъ! держись за меня, не оставляй меня, мой Антонъ! Держись за меня такъ, какъ держался ты въ утробѣ моей! Пусть берутъ обонхъ насъ вмѣстѣ; мы дойдемъ до правды, — до закона, — опъ оправдаетъ

пасъ. Не вездѣ они, подобны этимъ; — есть и люди, Антопъ: есть Богъ, защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ!

прокопъ. Э!... что съ ней толковать! Прочь ее, старую вѣдьму! (*Отрываетъ ее отъ Антона, она падаетъ безъ чувствъ на полъ*). Ну-же, проворно!

Антопъ (*въ отчаяніи*). А!... Матушка! будь здорова! Жди меня! (*Прокопу*). И ты — предатель, жди меня, — къ тебѣ вернусь еще скорѣе!... Бѣда тебѣ!

прокопъ. Ладно; увидимъ...
(*Прокопъ и стражники уводятъ Антона*).

Мароа (*приходитъ въ чувство и поднимается на колѣняхъ*). Что со мной случилось?... Гдѣ я?... Какъ темно въ глазахъ моихъ! (*Оглядывается*). О!.. Они взяли его!... Что стану я теперь дѣлать? Бѣжать за ними, — вырвать его у нихъ изъ рукъ?... Искать защиты, кричать: отдайте мнѣ сына! — кричать тамъ, чтобъ крикъ дошелъ до неба, и смягчилъ-бы сердца ихъ?... Напрасно; сердце ихъ холоднѣе и тверже камня!... Боже мой! Никто не сжаится теперь надъ бѣдной женщиной! Охъ, помогите мнѣ, помогите!...
(*Падаетъ на землю въ безсиліи*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Параша (*вбѣгал*). Матушка!... гдѣ онъ?

Мароа (*поднимая голову*). Они его взяли, — они связали его, — увели въ рекруты....

Параша. Ахъ я бѣдная!

Мароа (*вставая*). Мы потеряли въ немъ все, Параша! Боже! Ты за-что караешь насъ!

Параша (*отирая слезы*). Успокойся, матушка! Богъ не оставяетъ беззащитныхъ. Одинакова наша потеря, но не одинаковы наши силы.... Я возвращу тебѣ твоего сына — и пусть Богъ накажетъ меня, если я вплету въ свою косу ленту, если возьму въ ротъ хоть крошку воды, прежде, чѣмъ не возвращусь съ нимъ, — не отдамъ тебѣ его...

Мароа (*цѣлуя*). Иди, — спиши за нимъ, милая дочь моя, и да папутствуетъ тебя Господь!

ЯВЛЕНИЕ IV.

максимъ (входя). Бѣдная Мароа!.... Они заковали Антона, — повели въ Кутъ.

мароа. Какъ!... Заковали? Заковали моего Антона?... О, пустите меня, пустите; я догоню злодѣевъ; я вырву у нихъ моего сына!...

максимъ. Поздно. Опъ ужъ, вѣрно, теперь въ Криворовни, а вечеромъ будутъ въ Кошовѣ. А какъ переправятся за бурный Черемошъ — ищи пхъ! Не станешь-же бороться съ его волнами! Успокойся, мать... Не приведутъ тебя ни къ чему всѣ твои успія. Не упрости тебѣ Черемоша оскановиться въ своемъ быстромъ теченіи, — не умолишь тебѣ жестокихъ людей — снятъ съ сына оковы.

параша. Матушка! Дядюшка! Выслушайте меня.... Я хоть молодая и неопытная; хоть, кромѣ горъ нашихъ, ничего не видала на свѣтѣ, но я люблю его!.... Безъ него мнѣ и тебѣ, матушка, не житье на свѣтѣ; послушайся меня. Клянусь, что возвращу тебѣ его, клянусь, что вырву его изъ рукъ враговъ, только пустите меня, и не говорите о томъ никому. Если станутъ спрашивать, скажите, что убѣжала въ горы, что бросилась со скалы и разбилась объ острые камни. Люди повѣрятъ этому; они знаютъ, какъ я его любила.... Я пойду, матушка. Широка ихъ земля, но и мои ноги прытки, и мои глаза быстры. Я сыщу его хоть на концѣ свѣта; — я возвращу, я приведу тебѣ его, матушка!

мароа. Параша, радость моя, мое сокровище! — Иди, — бѣги скорѣе, — иначе они уведутъ его далеко. (*Параша бросается на шею Мароѣ, и хочетъ бѣжать*).

максимъ (*останавливая ее*). Послушай меня, Параша.... Сердце у тебя доброе, но разумъ коротокъ.... Куда тебѣ угнаться за ними, гдѣ тебѣ отыскать Антона! Развѣ знаешь, куда они пошлютъ его. Въ какой сторонукѣ станеть опъ тосковать по тебѣ и по родной матери? И гдѣ тебѣ различить его отъ тысячи другихъ? Пойдешь и пропадешь, и ноги исходишь, и глаза высмотришь, и все напрасно! — Я знаю ихъ землю, прошелъ я по ней и вдоль и поперекъ, и знаю, какъ трудно въ арміи ихъ отыскать солдата. Пойдемъ вмѣстѣ, я провожу тебя!....

мароа (*плача*). Богъ тебѣ заплатитъ, добрый Максимъ, за добрые совѣты твои, за добрую твою душу....

параша. Дядюшка! Такъ ты хочешь идти со мною....

МАКСИМЪ. Поиду.

ПАРАША (*бросается ему на шею*). Дядюшка! Дорогой мой дядюшка!. . О пойдемъ, пойдемъ скорѣе.

МАКСИМЪ. Пойдемъ, Параша. Прощай, Марѣа! Будь терпѣлива; молись за насъ Богу; надѣйся на него!

ПАРАША (*бросаясь къ ногамъ Марѣа*). Матушка! благослови меня!
(*Во время благословенія занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Бегеръ. (Комната въ корчмѣ подъ Львовымъ. Входитъ Гершко со свѣчой въ рукѣ; за нимъ Максимъ и Параша, переодѣтая въ простое платье, съ котомками за плечами. У Максима за поясомъ топоръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕРШКО. Ну, отъ чего-жъ не можно.... Не вы одинъ у меня ночуете; у меня всѣ ночуютъ, и большіе паны ночуютъ, какъ ѣдутъ въ Львовъ.

МАКСИМЪ. Спасибо, господниъ арендаторъ. Вѣдь намъ много не нужно: дай какой-нибудь уголокъ, гдѣ-бы можно-было прилечь и отдохнуть.

ГЕРШКО. Присядьте себѣ вотъ хоть здѣсь. А если пріѣдетъ какой-нибудь господниъ, такъ перейдете въ другую избу. Третьяго дня почеваль у меня одинъ господниъ: ѣхаль онъ на пиянны къ нашему Пану, и обѣщаль сегодня ночью воротиться. Ну, а слыхали вы о нашемъ Панѣ?....

МАКСИМЪ. Нѣтъ, г. арендаторъ, ничего не слыхали.....

ГЕРШКО. Ну, какъ-же это вы не слыхали? Стало, вы не здѣшніе. Откуда-же вы?

МАКСИМЪ. Я плотникъ, изъ Берестовки, а это дочь моя. Идемъ въ городъ за работою.

ГЕРШКО. За-чѣмъ такъ далеко ходить? и у насъ найдется работа. Кто ищетъ работы, тотъ найдетъ ее вездѣ; кто захочетъ ударить собаку, тотъ вездѣ найдетъ палку.

МАКСИМЪ. Правда, г. арендаторъ. Мы лѣпится не любимъ, и готовы вездѣ братья за работу.

ГЕРШКО. Ну, кто не лѣпится, къ тому идуть и талеры, какъ на добраго ловца звѣрь.

МАКСИМЪ. Голоду, слава Богу, не боимся. Что Господь далъ, то и паше. Вотъ, примѣромъ сказать, дайте-ка и намъ что-нибудь перекусить; — мнѣ доброй водки, а моей дѣвкѣ молока съ хлѣбомъ.

ГЕРШКО. Готовить для васъ ужъ поздно; десятый часъ. (*Ставить на столъ молоко и хлѣбъ, и наливаетъ Максиму водки.*)

МАКСИМЪ. А что, стоятъ у васъ солдаты, г. арендаторъ?

ГЕРШКО. А какъ-же не стоять! Совсѣмъ со свѣту выжили, ой вей!.... Крадутъ такъ, что унаси Боже — ничего отъ нихъ не убережешь!

МАКСИМЪ. Не у васъ-ли стоитъ батальионъ изъ полка Князя Лихтенштейна.

ГЕРШКО. У насъ майоръ еще добрый человекъ, — а капитанъ и поручикъ — толучше-бы ихъ черти взяли! Пфай! (*плюетъ и мотаетъ головой*). Нехорошіе люди!

ПАРАША (*Максиму*). Дядюшка! Ужъ не здѣсь-ли и онъ?

ГЕРШКО. Кто?

МАКСИМЪ. Дѣ наша роденька; — недавно взяли былъ въ солдаты. Не здѣсь-ли онъ, г. арендаторъ?

ГЕРШКО. Ну, — а мнѣ почему знать, здѣсь-ли онъ, или нѣтъ? (*Входитъ фельдфебель*). Спросите вошь у него; онъ фельдфебель, и долженъ знать, чего вамъ надобно.

ПАРАША (*тихо*). Дядюшка! Мнѣ страшно! Не быть-бы бѣдъ! Что, если насъ узнаютъ? (*Садится*).

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*сутулый и краснощекый, съ ружьемъ и тростью. Ружье ставитъ у дверей*). Reb' Hersch! wi ges habacht, — gib Schnabs!

ГЕРШКО. Ну, ну, сейчасъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Geschwind!.... А что это за люди?

ГЕРШКО. Работникъ изъ Берестовки. Онъ здѣсь почувуетъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*подходитъ къ Парашь, и треплетъ ее по щекѣ*). А эта клубничка?

МАКСИМЪ (*становясь между Парашей и фельдфебелемъ*). Моя дочь!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Saperment! Кровь съ молокомъ! Славная у тебя дочка, кумъ!

МАКСИМЪ. Такъ-себѣ; ужъ какую Богъ далъ, г. фельдфебель.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Ja, ist richtig!

МАКСИМЪ. Дайте-ка мнѣ, г. арендаторъ, на этотъ цванцигеръ хорошей водки. Мы разопьемъ ее съ г. фельдфебелемъ. Вѣдь и я когда-то былъ солдатомъ. Таскался по Италии, по Тиролю, по Венгрии, — чуть-ли не по всему свѣту.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*подавалъ ему руку*). Дай руку, товарищъ.

МАКСИМЪ (*подавалъ ему руку*). Времена-то перебъичивы, г. фельдфебель. Теперь вотъ этимъ топоромъ ставлю хаты, а прежде разбиралъ ихъ штыкомъ на дрова.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*указывалъ на ружье*). Такъ и это старыи знакомый?

МАКСИМЪ. Не только знакомый, но и роденька. (*Беретъ ружье и ставитъ его, по-солдатски, къ ногѣ*). Попробуемъ-ка, ужъ не забыть-ли артикулъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Hab acht! Ins Gewehr!... (*Максимъ исполняетъ по его командѣ*). Славно, славно, товарищъ! Хотя сейчасъ во фрунтъ. Saperment! Садись, старикъ, — потолкуемъ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, и выпьемъ. Давно-ли ты въ отставкѣ? (*Садятся за столъ и пьютъ*).

МАКСИМЪ. Да вотъ ужъ скоро будетъ пять лѣтъ. (*Пьетъ*). Ваше здоровье, г. фельдфебель! Смѣю спросить, въ какомъ вы изволитѣ служить полку?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Въ полку князя Лихтенштейна, въ карабинерномъ батальионѣ.

МАКСИМЪ. Вѣрно вы знаете, г. фельдфебель, всѣхъ солдатъ въ своей ротѣ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Saperment! Какой-же я былъ-бы фельдфебель, если-бъ не зналъ всѣхъ солдатъ моей роты? Знаю всѣхъ, какъ свои пять пальцевъ, отъ головы до ногъ.

МАКСИМЪ. А что, лѣтъ-ли въ вашей ротѣ.... Ваше здоровье, г. фельдфебель! (*Пьетъ и наливаетъ фельдфебелю*).

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Спасибо, товарищъ?.... О комъ ты хочешь сказать?

МАКСИМЪ. Объ одномъ молодомъ солдатѣ....

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Да у насъ всѣ молодые. Поручику, правда, вчера минуло шестьдесятъ лѣтъ, за то остальные хваты. Какъ вытянутся въ струнку, такъ есть на что посмотреть. А какъ его зовутъ?

ПАРАША (*въ-сторону*). Я вся дрожу...

МАКСИМЪ. Антошъ Ревизорчукъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Есть.

ПАРАША (*слабѣетъ и опускаетъ голову на столъ*). Ахъ!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*смѣется*). Вѣрно съ родни! О-го! готовъ заложиться, что близкой родной. Saperment!

МАКСИМЪ (*Парашъ*). Не забывайся, Параша; будь осторожниѣе.

ПАРАША. Буду, буду, дядюшка. Сама не знаю, что со мною сдѣлалось.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Potz tausend!.... Онъ будетъ твоимъ зятемъ, ручаюсь тебѣ.

МАКСИМЪ. О! давно-бы онъ былъ моимъ зятемъ, если-бъ его не взяли въ рекруты. А теперь надобно ждать; нечего дѣлать. А хорошо-ли онъ ведетъ себя, г. фельдфебель?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Да чуть-ли онъ не изъ лучшихъ во всемъ батальионѣ. Парень чистый, ровный, какъ молодая береза. Что ни прикажешь ему, въ-мигъ исполнено. Черезъ недѣлю по ветуплеши въ службу, онъ ужъ дѣлать ружьемъ не хуже меня, а это, saperment! — не бездѣлица! — За одно только онъ мнѣ не правится.

МАКСИМЪ. Не дай Боже, за что-нибудь дурное. Ужъ не пьетъ ли?

ПАРАША. Ахъ, батюшка, не стыдно-ли вамъ и думать объ этомъ!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Этого за нимъ не водится. За-то не правится онъ мнѣ, что всегда скученъ, — пикуда не выходитъ изъ казармы, кромѣ какъ на службу, — а уже на службу всегда первый.

ПАРАША. Бѣдный Антоша! Батюшка! Спросите, гдѣ его квартира?

МАКСИМЪ. Ваше здоровье, г. фельдфебель! (*Пьетъ и налиываетъ фельдфебелю*). Позвольте поблагодарить васъ за добрыя вѣсти о будущемъ моемъ зятѣ. Дай-ка намъ, г. арендаторъ, вонъ тотъ штофикъ, что съ ладнисю. Что онъ стоитъ?

ГЕРШКО. Два цванцигера. Это знатная водка, fein!... Ее всегда берутъ у меня господа, когда останавливаются на почлегъ.

МАКСИМЪ. Ладно, ладно, — на вотъ тебѣ два цванцигера. (*Даетъ ему деньги*). Прошу откушать, г. фельдфебаль. Да возьмите съ собою: пригодится когда-нибудь и гостей попотчевать.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Беру только отъ-того, что товарищъ мнѣ. А отъ кого другаго.... Saperment! (Кладетъ штофъ въ карманъ.)

МАКСИМЪ. Пора намъ собираться, Параша. (Беретъ котомку на плечи). А что, г. фельдфебель, не можете-ли вы намъ показать его квартиры?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Съ удовольствіемъ. Она не далеко отъ моей, и по дорогѣ. Но теперь его нѣтъ дома.

ПАРАША (со страхомъ). Гдѣ-жъ онъ!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (смѣясь). Видишь, какъ испугалась, какъ-будто-бы за пятьдесятъ миль откомандировали. Эхъ! знатное дѣло быть молодымъ! (Ударяетъ себя по брюху). Мнѣ ужъ не дожидаться этого! Не бойся, моя малинка! Онъ не далеко. Я только что развеялъ часовыхъ, а его поставилъ у магазина, за-городомъ.

МАКСИМЪ. А далеко этотъ магазинъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Какъ пойдешь по большой улицѣ за-городъ, такъ шагахъ въ пятидесяти отъ вала. — Увидишь самъ: огромное строеніе, по лѣвую руку.

МАКСИМЪ. Пойдемъ, пойдемъ Параша.

ГЕРШКО. Ну, а какъ-же почевать-то? Такъ ужъ, вѣрно, не будете?

МАКСИМЪ. Не будемъ, г. арендаторъ.

ГЕРШКО. Ну такъ заплатите-же мнѣ? Безъ васъ ко мнѣ заѣхали-бы господа.... Не изъ чего мнѣ терять деньги; я человекъ бѣдный.

МАКСИМЪ (бросаетъ ему деньги). На, возьми, жидъ!

ГЕРШКО. Ну, — ну, не за что сердиться.... Я вѣдь своего требую.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Reb' Herrsch! Gute Nacht! (Выходитъ, вслѣдъ за нимъ выходитъ и Максимъ съ Парашей).

ГЕРШКО (залирая за ними дверь). Пѣай, какой щедрый панъ! (тушитъ свѣчу).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ночь. (За-городомъ, — посреди поля. Вдали видны городскіе огни. По лѣвой сторонѣ дороги огромное строеніе магазина. Подлѣ него будка часового)

АНТОНЪ (на часахъ; ходитъ взадъ и впередъ. Останавливается и опирается на ружье). Темно! холодно!.... Бррр.... Вѣтеръ

пропиааетъ пасквозь, точь-въ-точь, какъ въ родныхъ горахъ, которыхъ уже не суждено мнѣ увидѣть.... Гдѣ они?.... Ихъ слѣдъ изглаженъ для меня. Не знаю даже, далеко-ли отсюда Черемошъ; тамъ, на берегахъ его, сидитъ Параша, груститъ, прислушивается къ шуму водъ его, и ждетъ меня. О! не жди меня, милая.... Скорѣе тѣ волны, которыя припесли меня сюда, потекутъ назадъ, чѣмъ я вернусь къ тебѣ. (*Прохаживается и потомъ останавливается снова*). Столько дней, столько мѣсяцевъ, и ни вѣсточки о нихъ! И кому-же принести ко мнѣ вѣсть объ нихъ? Какъ дойдетъ до меня привѣтствіе, поклонъ матери и моей милой?.... Земля ихъ такъ широка! Войска такъ много, а я одинъ среди этихъ многихъ тысячъ!.... Напрасно думать объ этомъ.... Придется служить, терпѣть до конца, воротиться наконецъ на родину и пойти — мать — въ сырой землѣ, суженую женой другого! (*Трясетъ ружье*). Тяжело!.... (*Задумывается*). Земля здѣсь богата, пивы зеленѣются, на деревьяхъ румяныя яблоки, на широкихъ поляхъ волнуется пшеница и жито; — а мнѣ здѣсь грустно, душно и тѣсно! Бывало, когда я стаивалъ на вершинѣ Черной-горы, — когда открывались передо мною доли и поля на десять миль въ окружности, когда подъ погами моими послышались тучи, и огромныя горы представлялись зелеными стогами сѣна, а выше меня не было никого, кромѣ карпатскаго орла, который шумѣлъ въ воздухѣ крыльями; — о, какъ мнѣ было весело тогда, какъ хорошо, какъ просторно... Пить! Не видать ужъ мнѣ родныхъ моихъ слей, не пить чистой воды Черемоша! Не дышать воздухомъ родныхъ горъ!.... (*Задумывается*). А если я увижу еще мои родныя горы, родныя сел, сели?.... (*Пауза*). Но бѣжать — бросить оружіе — опозорить себя — погубить?... Меня поймаютъ, разстрѣляютъ, какъ дезертера, — и не увидать мнѣ родной земли!.... Пить!.... видно Богу надобно оставить мщеніе: Онъ накажетъ ихъ за оскорбленіе бѣдной матери, — Онъ осушитъ слезы моей Парашы!.... Ты вѣчно ходи назадъ и впередъ около поста, и сторожи его, какъ собака, до-тѣхъ-поръ, пока не смѣнятъ тебя!... (*Окликаетъ, злившись приближающихся*). Кто идетъ?

максимъ (*перебививши голосъ*). Свой, служивый! Добрый вечеръ! Желаю тебѣ скорой смѣны.

антонъ. Спасибо. За-чѣмъ ты идешь сюда? Здѣсь пить никакой дороги.

максимъ. Мнѣ говорили, что тутъ, около магазина, идетъ дорога въ Берестовку.

антонъ. Неправда. Тутъ пѣтъ никакой дороги. Ступайте себѣ съ Богомъ назадъ. Въ такую пору здѣсь ходить не приказано.

максимъ. Не бойся, служивый. Мы не пзъ тѣхъ, которые дѣлають то, чего не приказано. И тебѣ не страшно стоять тутъ одному, въ такомъ глухомъ мѣстѣ?

антонъ. Хорошъ-бы я былъ солдатъ, если-бъ боялся. Да и чего-же тутъ бояться?

максимъ. А что, я думаю • пошли въ солдаты сами, по своей охотѣ? Пѣмцы, говорятъ, мастера вербовать? Я самъ это испыталь на себѣ.

антонъ. Такъ ты служилъ?

максимъ. О!.. Съ этимъ пріятелемъ (*указывал на ружье*) я давно знакомъ.

антонъ. Если такъ, то тебѣ должно быть извѣстно, что съ чаровымъ разговаривать не позволено.

максимъ. На гауптвахтѣ, такъ, — но въ мирное время и на отдаленномъ постѣ, отъ-чего не поговорить съ добрымъ человѣкомъ, — съ бывалымъ человѣкомъ, который видалъ и горы, и долины, бывалъ за морями, въ чужихъ земляхъ? Три часа протоять одному, не сказавши ни слова. — Это вѣдь не шутка.

антонъ (*опираясь на ружье*). Какія-же ты видалъ горы?

максимъ. Спроси лучше, какихъ горъ я не видалъ? Кто ихъ тамъ припомнить, какъ онѣ называются! Одинъ только у меня не вышли изъ памяти.

антонъ. Какія-же это?

максимъ. За-чѣмъ тебѣ знать, когда ты никогда не бывалъ въ горахъ.

антонъ. Я не бывалъ? О, если-бъ ты зналъ...

максимъ. Что съ тобою, служивый?

антонъ. Ничего... ты показалъ голодному кусокъ хлѣба, а подѣлаться съ нимъ не хочешь. Давно-ли былъ ты въ горахъ?

максимъ. Давно. Вотъ тамъ-то такъ настоящее житье.

антонъ. Здорово и весело.

максимъ. Когда стоишь въ долинѣ, гдѣ шумитъ и скачетъ по камнямъ рѣка, кажется, что этихъ горъ вокругъ тебя столько-же, какъ и деревьевъ, которыми обросли бока ихъ. А поднимись-ка повыше — увидишь, какъ вырастають одна изъ другой эти горы; — взберись еще выше — конца имъ пѣтъ; а какъ взлезешь на самый верхъ крутой горы, да помотришь на Черную...

антонъ (*бросаетъ ружье и, быстро подходя къ Максиму, всма-*

тривается въ него). Послушай, кто ты?... Твой голосъ мнѣ что-то знакомъ.

максимъ (показывая ему свой топоръ). Я плотникъ изъ Берестовки.

антонъ (вырываетъ топоръ и, поднявъ его надъ головой). О! знакомъ онъ мнѣ; — это родной топоръ! (Цѣлуетъ его и потомъ отдаетъ). На, возьми его, — возьми и ступай съ Богомъ! не пскушай меня! Если-бъ я не зналъ этой страны, если-бъ не сжималъ меня этотъ бѣлый мундиръ, — если-бъ не блестялъ въ рукахъ моихъ этотъ карабинъ, то я подумалъ-бы, что нахожусь на родинѣ, такъ знакомымъ голосомъ отозвался ты къ моему сердцу. Ступай, старикъ, не дразни меня; — и безъ этого тоска гложетъ меня. (Закрываетъ глаза руками. Параша подходитъ въ это время и становится передъ нимъ).

максимъ (натуральнымъ голосомъ). Не полагай, что ты только одинъ помнишь о родныхъ своихъ, и что опп забыли о тебѣ. Развѣ въ горахъ не пайдется добрыхъ людей, которые вспомнил-бы о тебѣ, Антоша!

параша. Антоша!

(Антонъ отнимаетъ руки отъ глазъ; — всматривается пристально въ Максима и Парашу и бросается на шею послѣдней).

параша. Милый Антонъ! безъ тебя не было для меня свѣту Божьяго... Насилу отыскала я тебя. О! какъ теперь весела я, какъ счастлива!

антонъ. Не сонъ-ли это? Васъ-ли я вижу, мои млыс, мои родные?

параша. Это не сонъ, Антоша. Мы, я и Максимъ, съ тобою. Мать велѣла поцѣловатьъ тебя. (Цѣлуетъ его).

антонъ. Мать?.. Такъ она жива еще. Благодарю Тебя, Господи! И ты, ты со мною, моя чернобровая, моя Параша?.. О! положи ко мнѣ на сердце руку: послушай, посмотри, какъ оно бьется отъ радости! Такъ ты меня любишь, любишь по-прежнему, — не правда-ли? Иначе вѣдь ты не шла-бы такъ далеко! Богъ наградитьъ тебя за любовь твою, Параша! И ты, и ты, старикъ, не забылъ обо мнѣ, и ты пришелъ ко мнѣ, — не побоялся такой дальней дороги? Чѣмъ я вамъ заплачу за все это?

максимъ. Мать ждетъ тебя.

антонъ. Она дождется меня, — пусть Богъ будетъ свидѣтель словамъ моимъ! Смерть только, одна смерть, могла-бы задержать меня здѣсь... (Задумывается).

параша. О чемъ ты задумался, Антоша?

антопъ. О чемъ?.. Я знаю, что ожидаетъ меня, Параша. Знаешь-ли ты? я бѣгу съ поста, съ мѣста, на которое поставили меня власть и законъ; — бросаю оружіе, даю мнѣ подъ присягою, — я дѣлаю преступленіе, — такое преступленіе, Параша, за которое ждетъ меня смерть, позорная смерть измѣнника. Я знаю все это — и бѣгу. — Я не могу оставаться здѣсь, бѣгу туда, куда зоветъ меня голосъ матери, — куда зоветъ меня мщеніе, — тамъ ждутъ меня объятія матери, — тамъ ждутъ меня шумъ родныхъ лѣсовъ, свистъ горпаго вѣтра. Идемте, — идемъ туда!....

параша. Боже, помниуй его!

антопъ (*увлекаетъ Максима и Парашу*). Идемъ, — бѣжимъ скорѣе!

максимъ. Ты хочешь бѣжать въ этомъ мундирѣ, Антопъ? Въ умѣ-ли ты? тебя узнаютъ, схватятъ... Прочь его, вмѣстѣ съ ружьемъ; и надѣвай вотъ это платье. (*Развязываетъ котомку и вынимаетъ платье, широкой плащъ и шляпу*).

антопъ. О, спасибо, спасибо тебѣ, добрый Максимъ. (*Сбрасываетъ мундиръ и переодевается*). Прощай на-вѣки, бѣлая скорлупа! ты оттянула мнѣ плечи, сжала сердце и разумъ, отняла свободу! Сорвать тебя съ плечъ нельзя безъ крови — пусть-же течетъ эта кровь, только не здѣсь, а на родниѣ, для которой я не жалѣю жизни! (*Бросаетъ ружье*). Прощай и ты, старый пріятель! Не боюсь тебя, хоть и знаю, что за преждевременную разлуку, плюнешь ты мнѣ въ лице свинцомъ и смертью!..

максимъ. Вотъ тебѣ вмѣсто ружья. (*Подаетъ ему заряженные пистолеты*).

антопъ (*смотритъ на нихъ съ умиленіемъ и прижимаетъ къ груди*). А!.. Мои знакомцы! старые друзья мои! Максимъ! Богъ тебя наградитъ за это (*Кладетъ ихъ за поясъ*).

максимъ (*подавая ему топоръ*). Возьми ужъ и этого стараго друга!

антопъ. Топоръ! и мой еще, — третья рука моя! Ну, идемте-же теперь, до свѣта еще далеко.

максимъ. Не забудь, Антопъ, что мы плотники, а она (*указывая на Парашу*) — дочь моя!

антопъ. Знаю, знаю; а кто-бы не повѣрилъ намъ, такъ того мы убѣдимъ по своему. (*Трясетъ топоръ*). Въ дорогу, друзья! время намъ теперь дороже всего! (*Уходитъ всѣ трое*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Деревня Жабъ. Площадь передъ колодезь. Анна, съ ведрами на плечахъ, идетъ за водою, и везетъ за собою маленькую дочь свою. Марфа сидитъ на дорогѣ, глубокая горестъ видна въ лицѣ ея.

дитя (*плачетъ*) Мама, мама!

анна. Чего тебѣ?

дитя. Вернется-ли сегодня изъ Кошова тятя?

анна. Вернется. Мы будемъ ждать его.

дитя. А привезетъ онъ мнѣ гостинцу, мама?

анна. Привезетъ, душа моя.

марфа (*поднимая голову*). Не ошибись, Анна. Не всегда возвращается домой тотъ, кто оставилъ его.

анна. Богъ съ тобой, Марфа! Охота тебѣ страшать меня. Что я тебѣ сдѣлала?

марфа. Ты — жена Прокопа, — и смѣешь спрашивать меня, что мнѣ сдѣлала? (*Анна ставитъ коромысло съ ведрами на землю и ласкаетъ дочь свою*). Ласкай! ласкай! Лучше-бы сдѣлала, если-бъ привязала ей камень на шею, да и въ воду!

дитя. Мама! я боюсь Марфы. Она такая злая, такая страшная!

анна. Чѣмъ-же виноватъ этотъ ребенокъ, Марфа, если мать ея виновата только тѣмъ, что она жена Прокопа?

марфа. Проклять весь родъ его! Взгляни на меня; взгляни, какъ изрыли слезы старое лицо мое; взгляни, какъ перемѣнилась, какъ похудѣла я отъ этихъ слезъ!... Никого нѣтъ у меня на свѣтѣ, у меня, дряхлой старухи; кто будетъ кормить и поить меня?.. Придется съестъ на дорогѣ, и просить Христа-ради милостыню. О! сто разъ лучше было-бы, если-бъ мать моя привязала мнѣ камень на шею и бросила въ воду!..

дитя. Какъ мнѣ жаль ее, мама! Дай ей напиться! Она хочетъ пить, мама!

марфа. Будетъ такъ и съ твоей дочерью, Анна. Теперь она весела и румяна, — протягиваетъ къ тебѣ руки, цѣлуетъ тебя, а вотъ, подожди, вырастетъ, захочетъ поцѣловать молодого парня, который поправится ей... Ты позволишь, позовешь въ праздникъ попа и сватовъ; соберешь дружекъ... они уберутъ ее, расплетутъ косу, надѣнутъ вѣнокъ на голову, — а тутъ, вдругъ, какъ черная туча на ясное небо, набѣжитъ такой-же разбойникъ, какъ мужъ твой; схватитъ жепиха и отправитъ его въ

въ Куть... Тогда что, а? хорошо тебѣ будетъ? а?.. Не упрекнеть развѣ тогда твоя дочь, за то, что теперь не падѣла ты ей на шею камень и не бросила въ воду?..

ЛПНА. Перестань, Мароа, перестань. Богъ на тебя прогнѣваетъ за педобрыя мысли.

МАРОА. А если п выйдетъ за мужъ дочь твоя, если Богъ дастъ ей сына, а она выкормитъ его молокомъ своимъ, вымоетъ своими слезами, — и согрѣетъ своимъ дыханіемъ, если сыпъ ее вырастетъ, станетъ красою Карпатовъ, — единственной подпорой старой матери, — и вдругъ придетъ такой-же разбойникъ, какъ мужъ твой, — схватитъ его, свяжетъ въ глазахъ твоихъ, — оторветъ отъ него бѣдную мать, и потомъ оставитъ ее сиротой, безъ помощи, безъ хлѣба, безъ капли воды — одну, одну одишешьку на этомъ свѣтѣ, — тогда что? а?.. Не упрекнеть развѣ тогда твоя дочь, за то, что теперь не падѣла ты ей на шею камень и не бросила въ воду?..

ЛПНА. Мама, пойдѣмъ отсюда прочь; мнѣ страшно.

ЛПНА. Ты разрываешь мнѣ душу, Мароа. Пусть Господь проститъ тебѣ это на томъ свѣтѣ. Что я, бѣдная, тебѣ сдѣлала?

МАРОА (вставая). Я раздраю тебѣ душу? — а кто-же раздраялъ мою душу, — кто облилъ кровью мое сердце?.. Развѣ не заслужила ты моего проклятiя? О! не пожалѣю я его для цѣлаго рода Прокопова. Жена разбойника Прокопа! пророчу тебѣ: ты овдовѣешь, а дѣти твои останутся безъ куска хлѣба, безъ рубашки на тѣлѣ!..

ЛПНА (поспѣшно беретъ ведра на плечи и увлекаетъ ребенка). Пойдемъ, пойдѣмъ отсюда.

МАРОА (идя за ней). Бѣги, бѣги отсюда! Ступай къ себѣ домой — и чтобъ найтн тебѣ тамъ пожаръ, чтобъ найтн тебѣ въ колыбели трупъ твоего ребенка, — чтобъ всѣ бѣды разразились падъ головой твоей!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дикое мѣсто въ горахъ. Гулой лѣсъ.

ЛПОНЪ (въ одеждѣ горца, лежитъ подъ деревомъ; — частю встаетъ и смотритъ въ даль съ нетерпѣніемъ). До-сихъ-поръ нѣтъ его! Дождусь, не дождусь! Что-то долго копаются тамъ старый Максимъ; — видно, что ему не такъ пужно, какъ мнѣ.

(По минутномъ размыслиеніи). Боже мой! А я бѣжалъ сюда съ такой радостью, — такъ билось у меня сердце, когда переступилъ я Прутъ и завидѣлъ вдали верхи родныхъ горъ... Теперь же, почти передъ глазами у меня родная деревня, — домъ отчій, — а мнѣ не весело... спужу и жду... жду смертельнаго врага. Свипцомъ смою я грѣхъ его... Тсъ!.. Кто-то идетъ; — вѣрно, Максимъ. (Входитъ Максимъ. Антонъ бѣжитъ къ нему и беретъ его за руку). Что? дома?

максимъ. Нѣтъ; ушелъ въ Кошово.

антонъ. Когда вернется?

максимъ. Сегодня.

антонъ. Надобно подождать. (Прохаживается. Максимъ смотритъ на него съ безпокойствомъ). Максимъ! Параша у матушки.

максимъ. У матушки.

антонъ. Ступай и ты туда, добрый Максимъ. Приготовь ее къ свиданію со мной. Увидѣвши меня впезаппо, она, можетъ быть, не выдержитъ, не перенесетъ своей радости.

максимъ. Послушай, Антонъ, я хотѣлъ-бы тебѣ сказать кое-что.

антонъ. Ни слова. Развѣ я ребенокъ и не знаю, чего мнѣ хочется и что долженъ я дѣлать? Я далъ себѣ слово — и сдержу его. Ступай, Максимъ, ступай, прошу тебя. Я останусь здѣсь. Отсюда видна дорога, по которой онъ будетъ возвращаться. О! пусть его примирится теперь съ совѣстью; завтрашняго солнца ему не видать!

максимъ. Воля твоя, Антонъ. По-моему, гораздо-бы лучше ты сдѣлалъ, есlibъ оставилъ его въ покоѣ. Не стоить онъ твоей пули.

антонъ. Я спесъ-бы терпѣливо судьбу мою, я не смѣлъ-бы обвинять его, если-бъ онъ лишилъ меня свободы по волѣ старшихъ, по волѣ закона. Рука всегда должна слушать и дѣлать то, что приказываетъ голова... Но ты знаешь, какъ выповать Прокопъ. Меня убила его злоба, — она выгнала меня изъ деревни, наложила на меня оковы, — сдѣлала дезертиромъ, отняла мать, Парашу, все, все на свѣтъ! Законъ освобождаетъ отъ рекрутства одного сына у отца, или матери, которымъ онъ долженъ служить подпорою... Они уничтожили это право. Богъ приказалъ почитать старыхъ, а онъ схватилъ за волосы бѣдную старуху и бросилъ ее на полъ!.. О! пусть мирится онъ съ совѣстью. Последній часъ насталъ для него. (Смотритъ на дорогу, — схватываетъ пистолеты и затыкаетъ ихъ за поясъ, беретъ топоръ). А! вотъ онъ! Въ самую пору!.. Спѣши, спѣши, — поцѣлуй дома

жену и дѣтей — поцѣлуй въ послѣдній разъ! (*Выбѣгаетъ. Максимъ слѣдуетъ за нимъ въ отдаленіи.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Изба Прокопа.

ПРОКОПЪ (*входитъ, ставитъ въ уголъ ружье, вѣшаетъ на стѣну пистолеты и снимаетъ плащъ*). Ну, слава Богу, вернулся домой. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. А гдѣ моя баба? Эй, Анна! дѣти... Нѣтъ никого. Вѣрно, она пошла за водой и взяла съ собою дѣтей. Колодезь не близко, ведра не легки, — не мудрено, что присѣла гдѣ-нибудь отдохнуть. А! да вотъ и она.

АННА (*сходитъ блѣдная и встревоженная*). Ахъ, ты ужъ вернулся Прокопъ? (*Обнимаетъ его и плачетъ*).

ПРОКОПЪ. Что съ тобой, Анна?.. О чемъ ты плачешь?

АННА. Ни о чемъ, Прокопъ; такъ. Сгрустилось что-то.

ПРОКОПЪ. Ужъ нѣтъ-ли какой бѣды у насъ дома? Здоровы-ли дѣти?

АННА. Не виновать-ли ты передъ кѣмъ-нибудь Прокопъ? Не согрѣшил-ли ты передъ кѣмъ-нибудь?

ПРОКОПЪ. Что это значить, Анна?

АННА. Ахъ! это значить то, что падъ головой нашей виситъ бѣда. Я только что повстрѣчалась съ Марею. Страшно и взглянуть на нее, а слова ея ложатся на сердце, какъ камень. Зачѣмъ тебѣ было вмѣшиваться въ дѣло ея сына? Это дѣло неправое, Прокопъ. Ты можешь за него отвѣчать и передъ Богомъ и передъ людьми. Марѳа прокляла меня и дѣтей твоихъ.

ПРОКОПЪ. Только-то! (*Смѣется*). Было чего бояться! Съума, что-ли сошла ты, Анна?

АННА. Проклятіе—Прокопъ—проклятіе матери! Это не шутка!

ПРОКОПЪ. Пустыя слова, повѣрь мнѣ, Анна. Если бъ проклятіе старой бабы могло превратиться въ порошокъ и пулю, тогда бы я сказалъ самому себѣ: Плохо; берегись;—а теперь я, просто, смѣюсь падъ ея проклятіемъ. Если тебѣ жаль этой старухи, такъ плачь себѣ сколько хочешь, — а покуда дай-ка мнѣ пообѣдать: я усталъ и голоденъ.

АННА (*накрывая на столъ въ томъ углу, гдѣ стоитъ ружье Прокопа*). Вѣдь это проклятіе матери, Прокопъ, а проклятіе ма-

терп страшище пуль и пороха. Я сама мать; я сама не перестала-бы молить Бога, до-тѣхъ-поръ, покуда Онъ не наказалъ-бы того, кто оскорбилъ меня.

прокопъ (*садясь за столъ*). Ну, довольно; давай обѣдать.. Есть-чему порадоваться: все удалось мнѣ, какъ пельзя-лучше: шерсть и кожи продалъ дороже другихъ. Для г. Мандатарія привезъ боченочекъ вина, который мнѣ обошелся въ бездѣлицу. За него заплатили наши люди, а я отдамъ ему отъ себя. Вотъ, что называется, умѣть обдѣлывать дѣла свои! Мандатаріи настоящій осель, хоть и говоритъ иногда по-латыни. Куда ему поймать меня въ чемъ-нибудь! Хозяиномъ здѣсь я, а онъ у меня какъ метла, которою вымету отсюда, какъ соръ со двора, каждого, кого мнѣ вздумается... Что же ты повѣсила носъ, Анна? а?

анна. Ничего; такъ, слушаю тебя, что ты говоришь, а на сердцѣ что-то тяжело, и плакать хочется.

прокопъ. Глупенькая!.. Поди-ка лучше ко мнѣ, поцѣлуй меня, да принеси смѣтапы.

анна. Сей-часъ, — смѣтава свѣжая. (*Беретъ съ полки миску съ ложкою и выходитъ изъ избы въ боковыя двери*).

прокопъ. Чортъ-бы побралъ скверную старуху! Старая вѣдьма! Будетъ она у меня стращать жецу! Скоро выкурю я ее изъ деревни, какъ и сынка. (*Антонъ входитъ въ среднія двери и останавливается на срединѣ избы*). Кто тамъ?.. Что-жь не откликаешься? Кто тутъ? (*оглadyвается*) А! это ты?.. (*Вскакиваетъ съ скамьи и хочетъ снять пистолеты. Антонъ стрѣляетъ, Прокопъ шатается и падаетъ, облитый кровью*)

анна (*вбѣгая*). Кто ты?.. что случилось?. (*Увидл трупъ мужа, вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувства*).

антопъ. Кто я?... Я сынъ Марыи! (*Хочетъ выдти, но въ дверяхъ встрѣчаетъ Максима; всльдъ за нимъ входятъ Марья и Параша*).

максимъ (*увидл трупъ*). Опоздали!

марья. Сыиъ мой! Антонъ мой!..

антопъ. Матушка! мщеніе привело меня сюда прежде, чѣмъ къ тебѣ.

марья. Убитъ?

антопъ. Да, тотъ, кто оскорбилъ тебя—убить мною.

марья. Исполнилось мое предсказаніе! Богъ выслушалъ просьбу матерц,—возвратилъ мнѣ сына, который отомстилъ за меня. Поди ко мнѣ, обвини меня, дитя мое! Если-бы ты зналъ, какъ они мучили меня, прежде, чѣмъ сказали о твоёмъ возвращеніи.

Они знали, что сердце матери не выдержало-бы внезапной радости! А оно уже усохло съ тоски, — увяло отъ слезъ! Ты только, одинъ ты можешь возвратить мнѣ радость и жизнь. О, поди ко мнѣ.

АНТОНЪ. Нѣтъ, матушка, не на радость, не на утѣшеніе тебѣ вернуся я... Видишь-ли? (*Указывая на трупъ Прокопа*). Мщеніе привело меня.... Бѣда!

МАРОА. Что ты говоришь, Антонъ

АНТОНЪ. Такъ, матушка. Местъ пала на меня. Она не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью... Теперь я дезертеръ и убійца, теперь у тебя нѣтъ сына. Меня будутъ искать,—меня казнять, какъ преступника. Богу извѣстно, кто сдѣлалъ меня преступникомъ! (*Беретъ за руку Парашу*). Вотъ единственное дитя твое... Она замѣнитъ тебѣ меня. Она будетъ беречь тебя до послѣдней минуты жизни.

МАРОА. А ты! а ты?

АНТОНЪ. Я долженъ бѣжать, матушка.

МАРОА. Бѣжать!

АНТОНЪ. Такъ, матушка. Отпывъ нѣтъ для меня дому, нѣтъ пристанища. Домъ мой — лѣса и горы; — родные мои — разбойники! — невѣста моя — висѣлица! (*Выбѣгаетъ*).

МАРОА. Боже мой!

ПАРАША (*падаетъ*). Матушка! Бѣда намъ!

АННА (*приходя въ чувства, слабымъ голосомъ*). Бѣда!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Изда Автопа. Ночь. Параша сидитъ подъ деревомъ. Подлѣ нея Антонъ.

антонъ. Не плачь, Параша!

параша. Я погубила тебя.

антонъ. Успокойся, Параша. Я вернулся не для тебя одной.. Тутъ была другая причина, болѣе сильная, страсть сильнѣе любви,—страсть, о которой ты не знаешь, и дай Боже, чтобъ никогда не знала!.. Матушка спитъ.

параша. Только-что уснула. Она долго ждала тебя. Съ-утра до вечера сидитъ бѣдная подъ окошкомъ, — ждетъ тебя, смотритъ, не идешь ли ты, — смотритъ до-тѣхъ поръ, пока не оставятъ ее силы, пока не сомкнетъ глазъ сонъ.

антонъ. Бѣдная матушка! На то-ли вырослиа она меня, чтобъ я, вмѣсто того, чтобъ быть ей подпорою, — сдѣлался разбойникомъ!

параша. Сердце твое чисто, Антонъ! Ты вповать передъ людьми, — не передъ Богомъ.

антонъ. Не вповать передъ Богомъ. — говоришь ты? А эта рука, омытая въ чужой крови — запятнанная чужимъ добромъ... Богъ не приметъ отъ нея чистой жертвы, Параша.

параша. Мы все тебя любимъ, Антонъ!

антонъ. Не повѣришь, какъ жжетъ мепя, какъ терзаеть эта чистая любовь ваша! Лучше-бъ; если-бъ не дознавалъ я любви этой, лучше-бъ, если-бъ не было васъ на свѣтѣ! Тогда я былъ-бы свободенъ; изъ однихъ горъ переходилъ-бы въ другія, изъ одного края въ другой; я не милосердно метилъ-бы людямъ за ихъ неправду и злобу; я метилъ-бы этимъ немилосердымъ богачамъ, которые смѣются надъ плещетой, зарытые въ своемъ золотѣ. О! они дрожали-бы передъ разбойникомъ, осужденнымъ на вѣсѣлицу; они — разбойники, для которыхъ законъ еще не поставилъ вѣсѣлицы!

ПАРАША (*рыдаеъ*). Такъ мы не милы тебѣ, Антонъ? Ты желалъ нашей смерти?

АНТОНЪ. Я желаю вашего спокойствія; я такъ хотѣлъ-бы видѣть васъ счастливыми!... Гдѣ-же теперь ваше счастье, ваше спокойствіе?... Однако-жъ, мнѣ надобно спѣшить. Прощай, Параша, прощай, моя радость! Каждый разъ, какъ я прощаюсь съ тобой, мнѣ кажется, что прощаніе это послѣднее. Теперь каждая минута моей жизни полна опасности. Меня ищутъ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ моимъ. Вчера я слышалъ разговоръ Мандатарія съ стражникомъ. Я лежалъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ за колодою и не проронилъ ни одного слова. Отрядъ линейнаго войска посланъ поймать насъ. Имъ уже извѣстно наше пристанище; мы должны искать другаго мѣста.

ПАРАША. Ахъ! если-бъ не матушка, я пошла-бы за тобою, Антонъ; я раздѣлила-бы твою участь.

АНТОНЪ. Нѣтъ, Параша! Не на то рождена ты, чтобы быть женою разбойника! Каждый разъ, какъ я смотрю на твою хату, вспоминаю я прошлое, вспоминаю первое время любви моей. О, какъ различны отъ теперешнихъ были мои тогдашнія мысли и чувства! Я представлялъ тебя хозяйкою;—на порогѣ этой избы должна ты была каждый день провожать меня на работу,—встрѣчать меня, когда я возвращался съ нея. Я сталъ-бы учить твоего сына бѣгать по горамъ, взбираться на крутизны, гоняться за дикими козами, срубать топоромъ высокія вѣтки, — сталъ-бы учить его быть трудолюбивымъ и честнымъ, — любить добро и правду, бояться закона и Бога, — и вотъ все мечты мои разсыпались прахомъ — все пропало... и нѣтъ слѣда моего счастья!

ПАРАША. О, какъ больно мнѣ слышать это, Антонъ! Слова твои жгутъ мое сердце! Антонъ! возьми меня съ собою; я раздѣлю твою горькую долю, пойду вмѣстѣ съ тобою на животь и на смерть. Возьми меня, возьми, Антонъ!

(*Падаеъ передъ нимъ на колѣни*).

АНТОНЪ (*поднимал ея*). Нѣтъ, Параша! Ты должна жить для бѣдной моей матери, для себя-самой. Счастье твое еще не ушло отъ тебя: ты съ другимъ можешь найти его. Возврати мнѣ кольцо, которымъ я обручился съ тобою. Не нужны теперь тебѣ эти узы. Сними его съ пальца, — брось далеко отъ себя. (*Снимаетъ кольцо съ ея пальца*). Брошу въ быстрыя волны родной Черемоши. Другая у меня есть невѣста, — другая суженая. Скоро она обойметъ мою шею; — скоро подаритъ она меня вѣчнымъ, кровавымъ своимъ поцѣлуемъ. Она обовѣсть меня своимъ

топкими пеньковыми пальцами — и не оторвется отъ меня, покуда тѣло мое не разсыплется прахомъ, покуда хлщный воропъ не выключетъ глаза мои!...

МАРѢ (изъ избы). Параша!

АНТОНЪ. Слышишь? она зоветъ тебя. (Обнимаетъ Парашу). Живи, живи, Параша, покуда не умолкнетъ па-вѣки этотъ дорогой мнѣ голосъ... Не въ послѣдніе-ли слышу я его! (Марѣ кличетъ Парашу, Антонъ держитъ ее въ своихъ объятіяхъ и долго, жадно прислушивается къ голосу матери; наконецъ вырывается и убѣгаетъ).

ПАРАША. Сама не знаю, что со мною!... Гдѣ онъ? Ушелъ!.. (Дико оглядывается). Его связали, — надѣли оковы.... О, какъ ужасно звепятъ эти цѣпи! Какъ страшно отзывается этотъ звукъ... тутъ... (Указывая на голову) здѣсь... (Указывая на сердце. — Всмотривается). Кровь?... (Гладитъ на руки). И тутъ кровь... (Слышится постепенно слабнющей голосъ Марѣ: Параша! Параша!) Зоветъ меня... Бѣгу... бѣгу....

(Блѣситъ въ избу).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Вечеръ. Видны послѣдніе отблески вечерней зари. Дикое мѣсто среди скалъ. Разбойники лежатъ живописными группами у разведеннаго огня.

(Одинъ изъ разбойниковъ стоитъ, прислонясь къ скаль, съ гитарой въ рукѣ и поетъ, прочіе вторятъ ему).

Напѣвайте, наполняйте,

Чары звонкія виномъ,

День веселый провожайте

Не устаннымъ чередомъ.

Заводите круговую,

Становитесь дружно въ рядъ,

Граньте пѣсню удалую,

Пусть фуяри загремятъ.

Скоро, скоро мѣсяцъ встанетъ,

Звѣзды на небѣ взойдутъ.

Часъ заботъ для насъ настанетъ,

Мы покинемъ нашъ пріютъ.

И какъ спѣжныя лавины,
 Испадаетъ мы съ высей горы,
 Навалимъ собой долины,
 Будеть каждому просторъ.

Наплавяте, наплавяте
 Чары звонкія впножь,
 День веселый провожайте
 Неустаннымъ чередомъ!

(Ночь. Мпслицъ выходитъ изъ-за горъ).

1-й разбойникъ. Тысяча миллионовъ чертей!... Мы поемъ себѣ, да попѣваемъ, а того и гляди нагрянетъ зима, съ своимъ сибгомъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки! Не люблю я этой мокрой пудры... И сибгъ бѣлый, и Пѣмецъ бѣлый — въ обонхъ вѣтъ проку! По бѣлому сибгу и не примѣтишь бѣлаго Пѣмца; — того и гляди, что выслѣдятъ насъ, какъ медвѣдей.

2-й разбойникъ. Э! далеко еще имъ до этого! Успѣемъ еще до того пагуляться, потѣшимся вдоволь. Вина въ-волю, — черпобровыхъ гуцулокъ не пересчитаешь въ околицѣ, — пей и веселись. Ну, а придетъ пора — поцѣлуемся и съ весѣлицею, какъ съ гуцулкою.

3-й разбойникъ. Не облизнешься послѣ этого поцѣлуя. Горекъ. капалья!

4-й разбойникъ. Не вѣчно-же жпть. Когда-нибудь да надо въ сырую землю.

5-й разбойникъ. Лучше летать орломъ одно лѣто, чѣмъ таскаться, какъ барану, десять! Тутъ, хоть и пуля догоцетъ тебя — упалъ между скалъ, и баста; но по-крайней-мѣрѣ, не будутъ тебя каждый годъ связывать и стричь, какъ барана.

6-й разбойникъ. Здѣсь можешь гулять, сколько душѣ угодно. Никто не скажетъ тебѣ здѣсь: Дѣлай это, а того не дѣлай; то твое, а это сосѣда. Сто миллионовъ чертей! У насъ все наше, и вѣтъ ничего чужаго.

4-й разбойникъ. Чтѣ взять, то и твое. Какъ половъ карманъ — берешь мало; — пусть — берешь все — и баста!

3-й разбойникъ. А пногда и посмѣешься вдоволь. Назадъ тому три дня, вотъ съ нимъ, (указывая на одного изъ разбойниковъ), лежали мы въ травѣ, у самой венгерской граици. Смотримъ — ѣдетъ жидъ, ѣдетъ и шепечтъ чтѣ-то подъ-посѣ, и осматривается на все стороны. А насъ изъ травы не видно. Вотъ, какъ поврвался жидъ, онъ и крикнулъ, что ни есть духу: Стой, бестія!

жидъ какъ кулекъ съ мукой — бухъ съ возу на землю. Товаришь за клячу, а я жидъ за пейсы: А что ты везешь? Подавай-ка намъ цващигеры? — Жидъ зубъ на зубъ не попадетъ, словно въ лихорадкѣ, а я ему топоръ къ горлу.

5-й разбойникъ. И на тотъ свѣтъ!

3-й разбойникъ. Совсѣмъ нѣтъ. Къ какому чорту отправлять мнѣ на тотъ свѣтъ труса, когда его собственный страхъ приколеть его лучше ножа разбойника. Ему плюю въ глаза, такъ онъ и подумаетъ, что пуля, и издохнетъ со страху, какъ собака.

2-й разбойникъ. Что-жь ты съ нимъ сдѣлалъ?

3-й разбойникъ. Что?... Насмѣялся вдоволь, какъ жидъ принялся бранить меня: Ай, вай! ты, гапаче, разбойникъ, душегубецъ, на что меня рѣжешь. Ай вай!

(Всѣ смѣются).

1-й разбойникъ. И пустилъ его?

3-й разбойникъ. Опъ взялъ товары, а я деньги, да въ добавокъ обрѣзалъ ему пейсы, — и съ Богомъ!

1-й разбойникъ. Такъ деньги его у тебя. А много ихъ взялъ?

3-й разбойникъ. А тебѣ за-чѣмъ знать?

1-й разбойникъ. За-чѣмъ? Милльионъ чертей! Вотъ, то-то и дурно, что каждый изъ насъ грабитъ про-себя.

3-й разбойникъ. Дурно? А кто тебѣ запретить выдти на дорогу, если пусто въ карманѣ. Дорога широка: для всѣхъ насъ достанетъ.

1-й разбойникъ. Если-бъ я былъ атаманомъ, то велѣлъ-бы повѣсить тебя, если-бъ ты не захотѣлъ подѣлиться добычей со всѣми.

3-й разбойникъ. Прежде, чѣмъ ты подумалъ-бы объ этомъ, я отрубилъ-бы тебѣ уши.

Максимъ *(сидѣвшій до-сихъ-поръ съ глубины, встаетъ)*. Молчать собаки, — или я прикажу повѣсить васъ обоихъ. Эй!... всѣ-ли здѣсь?

3-й разбойникъ. Нѣтъ Кузьмы и Михайла.

Максимъ. А гдѣ цыганъ?

5-й разбойникъ. Бестія, спитъ отъ стыда.

(Максимъ идетъ въ глубину сцены).

2-й разбойникъ. Что съ нимъ сдѣлаюся?

5-й разбойникъ. На дорогѣ къ Буркуту встрѣтилъ онъ гуцулку съ Криворотни. Славная дѣвка: ростомъ съ меня, — румяная и чернобровая. Мы оба лежали на пригоркѣ и сторожили проезжихъ. Глядимъ, идетъ дѣвка и распѣваетъ веселую пѣсенку. От-

куда ни возьмись нашъ цыганъ, подскочилъ къ ней и давай просить, чтобы его поцѣловала

нѣсколько голосовъ. Вишь куда потянулъ, нехристь!

5-й разбойникъ. Вотъ дѣвка и притворись, будто и въ правду хочеть поцѣловать его. Онъ къ ней, а она выхватила у него топоръ изъ руки, а пистолеть изъ-за пояса, — отекочила, взвела курокъ, да и давай прицѣливаться. Цыганъ, натурально, давай Богъ поги, — а мы — хохотать.... *(Разбойники смѣются)*.

6-й разбойникъ. Что-же дѣвка?

5-й разбойникъ. Плюнула вслѣдъ за нимъ, да и пошла своей дорогой.

4-й разбойникъ. Хватъ баба! Вотъ ужъ такихъ люблю. Что-же вы ее къ намъ не завербовали?

(Слышенъ выстрѣлъ. Тревога между разбойниками).

максимъ. Что это?

1-й разбойникъ *(взводя курки у пистолетовъ)*. Ужъ не Нѣмцы-ли?

2-й разбойникъ. Тебѣ только и снятся, что Нѣмцы. Подожди до зимы: увидишь ихъ на яву. Сядутъ они тебѣ на шею. Я вотъ по слуху отгадалъ: это выстрѣлъ нашего Антона.

(За кулисами слышны голоса).

3-й разбойникъ. Это наши. *(Два разбойника ведутъ связаннаго Мандатарія. На глазахъ его повязка)*. А это какая птица?

максимъ. Отвязать ему глаза... А! Старый знакомый, господинъ Мандатарій!

мандатарій *(дрожитъ и заикаясь)*. Это... я... я... Ма...а...а... gnanimi opriscones!.. mi.. mi.. misereamini... *(Всѣ хохочутъ)*.

1-й разбойникъ. Что онъ тамъ болтаетъ?

мандатарій *(складывая руки)*. Пятая заповѣдь: не... не... убій; — шестая: не прелюбодѣйствуй; седьмая: не укради...

максимъ. Не бойсь, не повторялъ этихъ заповѣдей тамъ у себя, въ своей канцеляріи, а?

мандатарій. Повторялъ, повторялъ, — видитъ Богъ, повторялъ, повторялъ каждый день утромъ и вечеромъ.

максимъ. Лжешь!

мандатарій *(падая на колѣни)*. Mea culpa!

максимъ. А какимъ образомъ ты попался сюда?

мандатарій. Самымъ незаконнымъ, несправедливымъ образомъ: среди бѣлаго дня. Отдыхалъ на крутой горѣ, — я и со мною было четыре гуцула проводниками.

3-й разбойникъ. А взяли тебя двое.

маддатарій. Измѣной, вѣроломствомъ. Двое изъ моего конвоя пошли къ рѣкѣ — пить, а остальные двое заснули.... Въ это-то время злодѣи, раз.....

кузьма. Что?.....

маддатарій. Виновать.... виновать.... Голова моя падеть кругомъ. Вотъ видите: я, было, кричать — не просыпаются; меня связали — а они спать себя преспокойно; — меня увели — а они все спали, бездѣльнички.....

максимъ. Ты стоилъ этого.

маддатарій. Стою? Стою? А знаете-ли вы, что это вовсе не шутка? Поднимать руку на Маддатарія, назначеннаго правительствомъ? А Маддаты? А Штадрехтъ?..... *(Всѣ хохочутъ)*.

максимъ. Показать ему штадрехтъ.

нѣсколько разбойниковъ. Веревку! веревку!

маддатарій. Помилосердуйте!.... Веревку для Маддатарія—слыханное-ли это дѣло!

3-й разбойникъ. Ну такъ не хочешь-ли попробовать топора?

маддатарій *(плачетъ)*. Сжальтесь надо мной! Пощадите меня! Не отпустите души безъ покаянія! Я васъ всегда такъ любилъ!

4-й разбойникъ. За это мы и хотимъ поблагодарить тебя, какъ слѣдуетъ. *(Приставляетъ ему къ груди пистолетъ)*.

маддатарій. Пропалъ я.... *(Шепчетъ)*. Pater noster, qui es in coelis... Господи! въ руку Твою предаю...

антонъ *(входит)*. Что это значитъ?

максимъ. Кузьма и Михайло поймали на Буркутской дорогѣ вотъ этого молодца. Вглядись-ка въ него хорошенько; не узнаешь-ли въ немъ стараго знакома? *(Антонъ всматривается)*.

маддатарій *(глядитъ на него со стрихомъ)*. Ну, теперь со-вѣмъ пропалъ!... Dominus Antonius Ревизорчукъ!

антонъ. Котораго ты осудилъ, какъ нарушителя спокойствія, какъ коцграбандиста, какъ бунтовщика, — и за это меня, въ противность закону, отдалъ въ рекруты, — сдѣлалъ дезертеромъ и наконецъ разбойникомъ! — Собирай теперь, что посялъ, — пей пиво, которое наварилъ. — Вздернуть его на дукъ!

маддатарій. Позвольте отдать Богу душу — помолиться...

антонъ. А! помолиться?... И я прежде умѣлъ молиться, а кто у меня отнял и это послѣднее утѣшеніе, какъ не ты? Теперь я не могу молиться, рука моя не смѣетъ подняться для крестна-

го знаменія. На ней кровь, и кровь эта по твоей милости!.... (Обращаясь къ разбойникамъ). Повѣсите его!

(Мандатарій падаетъ безъ чувствъ.)

максимъ. Вѣдно, придется обойтись безъ веревки. Я думаю онъ ужъ и теперь издохъ отъ страха.

автопъ. Нѣтъ, онъ только обезпамятъль. Видишь, какъ дрожить, бездѣльникъ?... Поднять его! Завязать глаза и отвести куда-нибудь въ тущобу. Пусть выбирается оттуда, какъ умѣетъ. Не стоить онъ веревки, на которой умираетъ отважный разбойникъ. (Двое разбойниковъ завязываютъ Мандатарію глаза и уведутъ его). Эй! сюда, ко мнѣ... (Разбойники собираются и окружаютъ Автона). Наточить топоры, каждому имѣть подъ рукою свинецъ и порохъ. Наше сборное мѣсто открыто!

1-й разбойникъ. Чортъ возьми! Не говорилъ-ли я этого?

2-й разбойникъ. Молчи. Не мѣшай атаману.

автопъ. Я самъ слышалъ о томъ. Триста человекъ солдатъ послано отыскивать насъ, въ разныя стороны. Стражники, какъ гончіе псы, отыскиваютъ слѣды нашихъ. Въ отрядѣ находятся самъ комиссаръ изъ Кутъ. Онъ имѣетъ полномочіе повѣсить каждого изъ насъ, кто попадется ему въ руки.—Слышите-ли?... Быть осторожными! А встрѣтитесь съ ними — бейся на смерть, живемъ не давая себя: лучше пуля, чѣмъ висѣлица!

1 разбойникъ. Не худо-бы погулять хорошенько! Вели дать водки, атаманъ

нѣсколько разбойниковъ. Водки! водки!

автопъ. Молчать!.... Ни капли водки! Первому, кто дотронется до фляжки, разможжу лобъ. Сейчас-же выбираться отсюда! Пусть каждый возьметъ съ собою по-ровну запасовъ и хлѣба; остальное въ огонь. Идти за венгерскую границу и тамъ прятаться куда кто можетъ, до перваго сбора. Слышите-ли?

все. Слышимъ! слышимъ!

автопъ. На четвертый день въ полночь, кто останется въ живыхъ, — долженъ-быть на Черной-горѣ, около озера, — тамъ, гдѣ торчатъ двѣ сосны.

нѣсколько голосовъ. Знаемъ! знаемъ!

автопъ. Противъ сосенъ, отъ Венгерской границы, идетъ подъ гору тропинка между скалами. Пройдя по ней двѣсти шаговъ, увидите камень, камнемъ этимъ закрыто отверстіе въ пещеру, гдѣ я буду ждать васъ. Ну, — собираться теперь въ дорогу! (Разбойники собираются. На авансценѣ остаются Автопъ и Максимъ). Довели меня до крайности... Надобно обороняться

по-неволѣ. Послушай, Максимъ, если, черезъ четыре дня, намъ удастся собраться...

максимъ. То что-же?...

литонъ. То, что Нѣмцы будутъ искать насъ здѣсь, а мы явимся тамъ, у нихъ, за плечами... *(Слышенъ выстрѣлъ. Литонъ и Максимъ прислушиваются въ недоувереніи).*

максимъ. Вѣрно кто-нибудь изъ нашихъ поподчивалъ Магдатарія.

(Слышно еще нѣсколько выстрѣловъ).

литонъ. Это ружейные выстрѣлы, — не наши. Эй! сюда! сюда, братцы!

3-й разбойникъ *(возвращается раненный)*. Нѣмцы! Нѣмцы! Они окружили насъ! Бѣги, кто можетъ! Спасайтесь!

(Падаютъ и умираютъ. Новый выстрѣлъ убиваетъ другаго разбойника, вышедшаго изъ-за скалы).

литонъ. Бросай все — и въ разныя стороны! *(Новый выстрѣлъ ранитъ Литона)*. Максимъ!... я погибъ. Бѣги, спѣши къ моей матери, къ Парашѣ! скажи имъ послѣднее мое слово!

(Шатается и падаетъ на колѣна. Выстрѣлы учащаются. Слышенъ вдали глухой звукъ барабана, и видно пламя отъ зажженной смоляной бочки. Разбойники изрядка перебѣгаютъ черезъ сцену. Показываются австрійскіе карабинеры. Они окружаютъ Литона, который убиваетъ двухъ изъ нихъ, и потомъ падаетъ отъ ослабленія. Спустя нѣсколько минутъ появляются комиссаръ, начальникъ отряда и Магдатарій. Солдаты приводятъ нѣсколько пойманныхъ разбойниковъ).

коммисаръ *(къ офицеру)*. Прикажите, поручикъ, осмотрѣть хорошенько все мѣста, обшарить все ихъ заячьи норы. Знаю я ихъ! Не одинъ изъ нихъ прицѣпился къ скалѣ, или къ дереву.

поручикъ *(фельдфебелю)*. Возьми двадцать человекъ, и обшарить здѣсь все углы! Убрать отсюда трупы!

(Солдаты уносятъ убитыхъ).

коммисаръ. Много-ли поймали?

офицеръ *(считал)*. Одинъ.... два.... три.... пятеро.

коммисаръ *(къ связанымъ разбойникамъ)*. Кто у васъ былъ начальникомъ?

(Все молчатъ).

магдатарій *(указывая на Литона)*. Нис est — вотъ ихъ начальникъ, о! я его знаю хорошо!

коммиссаръ. Осмотрѣть его рану и перевязать ее.

(Солдаты перевязываютъ Антону рану).

мандатарій (подходитъ къ нему). А! попался теперь, разбойникъ, душегубецъ!... Не уйдешь теперь отъ той веревки, на которой не удалось меня повѣсить.... На висѣлицу злодѣя, на висѣлицу! Возмущалъ молодыхъ противъ старшихъ, переносилъ контрабанду, билъ стражу, бѣжалъ изъ полка, и собралъ шайку разбойниковъ.... На воловьей шкурѣ не выписать всѣхъ его подвиговъ. Постой, мошенникъ, разбойникъ! Будешь ты теперь знать Мандатарія!

антонъ. Презрѣнный!... Такъ-то платишь ты мнѣ за то, что я спасъ тебя отъ смерти?...

мандатарій (коммиссару). Г. коммиссаръ! новый доводъ дерзости...

коммиссаръ. (Грозно Мандатарію). Ни слова! (Мандатарію, сконфуженный отходитъ. Обращаясь къ Антону). Ты былъ ихъ пачальникомъ?

антонъ. Я.

коммиссаръ. Много-ли было людей въ твоей шайкѣ?

антонъ. Не знаю. Я буду отвѣчать только на тѣ вопросы, которые относятся прямо ко мнѣ.

коммиссаръ. Какъ зовутъ тебя?

антонъ. Антонъ Ревизорчукъ.

коммиссаръ. Ты убилъ стражника Прокопа?

антонъ. Я.

коммиссаръ. Что побудило тебя къ убійству?

антонъ. Онъ оскорбилъ мать мою.

коммиссаръ. За-чѣмъ ты убѣжалъ изъ полка?

антонъ. Чтобъ убить его.

коммиссаръ. Какимъ-образомъ ты попалъ въ разбойники?

антонъ. Мнѣ больше нечего было дѣлать.

коммиссаръ. Развѣ ты надѣялся избѣгнуть этимъ наказанія.

антонъ. Нимало. Мнѣ хотѣлось продлить свою жизнь, чтобы помогать бѣдной матери, которая осталась-бы безъ куска хлѣба. По смерти ея, я самъ отдался-бы вамъ въ руки.

коммиссаръ. Не учинялъ-ли ты еще убійства?

антонъ. Нѣтъ, господниъ коммиссаръ. Другой чужой крови пѣтъ на моей душѣ.... Вчера, въ полдень ваша лошадь, г. коммиссаръ, споткнулась, выходя на берегъ изъ Черемоша....

коммиссаръ (удивленный). Ну, и что-же дальше?

АНТОНЪ. Выѣхавши на тропинку, вы сошли съ лошади, сѣли на камень, и велѣли стражнику поправить сѣдло.

КОММИСАРЪ. И ты былъ тутъ въ это время?

АНТОНЪ. Да, я былъ въ десяти шагахъ отъ васъ, г. комиссаръ и слышалъ все, что вы говорили. Если я не убилъ васъ тогда, зная, что вы имѣли при себѣ повелѣніе повѣснить меня, то можете-ли сомнѣваться въ томъ, что я не убилъ никого, кромѣ Прокопа.

КОММИСАРЪ (*съ участіемъ*). Какія ты можешь представить доводы къ своему оправданію?

АНТОНЪ. Никакихъ, г. комиссаръ, кромѣ-того, что мною было вамъ сказано. Я убійца, дезертеръ и разбойникъ.

КОММИСАРЪ. Знаешь-ли, что ожидаетъ тебя?

АНТОНЪ. Знаю....

КОММИСАРЪ. Не имѣешь-ли попросить меня о чемъ-нибудь? Говори.

АНТОНЪ. Если позволите, то я буду просить васъ объ одномъ, г. комиссаръ. Дорога въ Куть идетъ мимо моей избы. Позвольте мнѣ отдохнуть тамъ, взглянуть въ послѣдній разъ на ту крышу, подъ которой родился..

КОММИСАРЪ (*прокутый*). О, охотно! (*Въ-сторону*). Чего-бы я не далъ, чтобъ спасти отъ смерти этого человѣка! (*Къ офицеру*). Поидемте.

ОФИЦЕРЪ (*солдатамъ*). Окружить ихъ и идти другъ отъ друга на дистанцію. Быть осторожными. (*Солдаты строятся и окружаютъ связанныхъ разбойниковъ и Антона*). На плечо! Маршъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Крутой берегъ Черемоша. Вдали видна деревня. Входитъ Максимъ и садится на камень. Одинъ изъ разбойниковъ прокрадывается съ противоположной стороны и беретъ Максима за руку.

РАЗБОЙНИКЪ. Максимъ! тебя не поймали они?

МАКСИМЪ. И дурно сдѣлали.

РАЗБОЙНИКЪ. А я пробираюсь въ Валахию.

МАКСИМЪ. Ступай себѣ съ Богомъ; я остаюсь тутъ.

РАЗБОЙНИКЪ. Нашихъ плѣнныхъ уже привели сюда. Солдатъ, что спѣгу. Бѣги, Максимъ; тебя какъ разъ здѣсь поймаютъ.

максимъ. Что-жь за бѣда! Не такова, братъ, наша жизнь, чтобъ беречь ее.

разбойникъ. Охъ, бѣда, бѣда!... Взгляни-ка, Максимъ! Никакъ это безумная идетъ къ намъ? Ухъ, какая страшная!

максимъ. Да, это она, бѣдная наша Параша. Полюбила его, какъ душу, бѣжала за нимъ цѣлыхъ шестьдесятъ миль, привела его къ старухѣ матери; была для нея дочерью, слугой; — кормила ее.... Вчера я пришелъ къ ней и сказалъ: Параша! твоего Антопа поймали Шѣмцы. Бѣдняжка вкрикнула, да такъ, что сердце у меня чуть не лопнуло, — сжала руками голову, — поблѣдѣла, какъ упырь, — и не сказала ни слова! Спокойна, какъ мертвецъ, — не плачетъ и не смѣется... Живетъ, а души въ тѣлѣ какъ не бывало. Ужъ лучше-бы умерла, бѣдненькая, отъ этой вѣсти, какъ Мароа.

разбойникъ. Куда это она теперь идетъ? *(Параша медленно приближается къ нимъ—смотритъ на нихъ—потомъ отварачивается, и идетъ далье).*

максимъ *(кличетъ ее)*. Параша! Параша!

параша *(останавливается)*. Меня зовутъ не Парашей... Я не Параша, Параша другая, а не я... Я кость — меня унесъ съ кладбища орелъ и положилъ на Черную-гору, — вѣтеръ вывѣялъ меня, сбилъ меня выбѣляя... Я не Параша. Не зовите меня Парашей.... Что-жь вы нейдете на праздникъ къ Мароѣ? Васъ просили туда, и меня просили туда, и я была тамъ... Гостей не перечтешь... видимо не видимо... и всѣ въ бѣлыхъ савакахъ... Мароа ждетъ васъ.... Она лежитъ тамъ на столѣ, поередникъ избы... Въ головахъ у ней свѣчки, — а въ погахъ старая кума плачетъ и востъ. А въ церкви звонять—ухъ какъ страшно звонять! — А когда въ церкви звонять и стоитъ гробовщикъ съ заступомъ, то люди смѣются, а когда убираютъ къ вѣнцу дѣвушку, то и она плачетъ, и мать плачетъ, и дружки плачутъ... Ступайте туда, ступайте; вамъ будетъ тамъ весело! И я сейчасъ приду туда... Вотъ только нарву цвѣтовъ. . я ужъ много парвала ихъ... Рубашка у меня бѣлая, какъ снѣгъ, а платье красное, какъ кровь. — Вотъ нарву еще полыни и сплету себѣ вѣнокъ.... славный вѣнокъ.

разбойникъ. Бѣдная Параша!

максимъ. Несчастная!

параша. Что вы все говорите о Парашѣ. Параша нѣтъ на свѣтѣ... Она любила Антопа, — его повѣсили, а она умерла съ тоски. Давно, давно умерла.

максимъ. Оставить ее въ этомъ положеніи на насмѣшки и презрѣніе людей?... Нѣтъ! Нѣтъ!

параша. Параша была бѣдная дѣвушка... Она его такъ любила... любила... любила... За-чѣмъ ей было жить на свѣтѣ! Ей, не то, что мнѣ. Мнѣ здѣсь такъ хорошо, такъ весело... Когда я была на томъ свѣтѣ, мнѣ говорили тамъ, что здѣсь не хорошо, что здѣсь плачь и скрежетъ зубовъ... Антона повѣсили... Чтѣжь? Это ужъ было такъ давно; теперь этого нѣтъ... Теперь играютъ на флейтѣ, да, такъ играютъ, что всѣ рыбки скачутъ и пляшутъ въ Черемошѣ.. И я пойду туда.. въ Черемошу... я тамъ буду рѣзвиться и плясать съ рыбками... А вы знаете!.. Когда онъ прощался, то снялъ у ней съ пальца кольцо и сказалъ, что бросить его въ Черемошѣ.. Я найду его кольцо; оно пригодится мнѣ къ свадьбѣ.. У меня вѣдь нѣтъ кольца.. взгляните.. нѣтъ... а то колечко чудесное... другаго такого колечка не найти мнѣ.

максимъ. Боже отпусти мнѣ этотъ послѣдній грѣхъ (*Берет Парашу за руку*). Послушай,—пойдемъ со мной?. Вѣдь ты пойдешь со мной? ты умничка... (*Подходитъ съ ней на край берега*).

параша. Тамъ, тамъ мое колечко!... Тамъ лучше жить, чѣмъ здѣсь.. Здѣсь люди поймали его и повѣсили. А развѣ они не знали о томъ, что вѣтеръ будетъ качать его и выдирать его черныя кудри, — что дождь будетъ бить въ лицо его, какъ въ окошка хаты осенью, а потомъ прилетитъ воронъ, сядетъ къ нему на голову, уцѣпитъ своими когтями въ его волосы и выклюетъ ему ясныя его очи. Вы не знали о томъ? А я знала... знала...

максимъ. Пойдемъ туда, Параша.

разбойникъ. Что ты хочешь съ пей дѣлать? Ты съ ума сошелъ, Максимъ!

максимъ (*дико*). Поди прочь! прочь! Не мѣшай мнѣ! (*Параша*). Пойдемъ... пойдемъ....

параша. Иду... иду... Мнѣ надобно снѣшить... Меня тамъ всѣ ждуть (*Наклоняется и смотритъ*). А глубоко тамъ — тамъ? (*Указываетъ внизъ*).

максимъ (*сталкиваетъ ее въ воду*). Туда — туда — бѣги отъ людей туда, Параша;—нѣтъ для тебя на землѣ жизни.

разбойникъ. Максимъ! Что ты сдѣлалъ, Максимъ?

максимъ (*хватаетъ его за горло*). Молчи, или я задушю тебя. (*Отталкиваетъ его*). Ступай, куда поведутъ тебя глаза, куда

повесуть поги... а я пойду и отдамся Нѣмцамъ... (*Выходитъ. Разбойникъ смотритъ на рыку, — дѣлаетъ знакъ рукою, что Параша уже нѣтъ, и уходитъ*)

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ.

Внутренность избы Антона. Въ глубинѣ сцены, виденъ на столѣ трупъ Марыи. На лѣвой сторонѣ, опершись на стѣну, стоитъ Антонъ, комиссаръ, офицеръ, солдаты.

комиссаръ (*офицеру*). Какъ часто мы ошибаемся, предполагая только въ насъ однихъ глубокія и благородныя чувства! Напротивъ, въ насъ они менѣе замѣтны, подъ лакомъ свѣтской или общественной жизни.—Наши радость и горе мѣшаются и сливаются одни съ другими, какъ на хорошей картинѣ свѣтъ съ тѣнью, и все-таки они ничего не значатъ въ сравненіи съ вѣнчиками горя или радости въ этой простой, необдѣланной природѣ.

офицеръ. Одной вѣстью о поимкѣ несчастнаго убиты мать его и невѣста. Не могъ быть дурнымъ человѣкомъ тотъ, кого такъ всѣ любили.

комиссаръ. Взгляните, какая благородная горестъ видна въ лицѣ его! О, если-бъ можно было спасти его?.. Нѣтъ! печего и думать объ этомъ: законъ не имѣетъ жалости.

офицеръ. Его погубилъ одинъ Мандатарій.

комиссаръ. Я донесу о поступкахъ этого негодая. Его предадутъ суду. Такой чиповникъ, какъ онъ, хуже убійцы.

(*Входитъ солдатъ и говоритъ офицеру нѣсколько словъ*).

офицеръ. Какой-то старый разбойникъ отдался въ наши руки и проситъ позволенія выйти сюда.

комиссаръ. Пусть войдетъ. (*Солдатъ выпускаетъ Максима, который идетъ прямо къ Антону*).

максимъ. Антонъ!

антонъ! А! это ты, Максимъ? Гдѣ Параша? Она не узнала меня.

максимъ. Знаю... знаю.

антонъ. Гдѣ она?

максимъ. Параша?.. На днѣ Черемоша.

антонъ. Утопилась?..

максимъ. Нѣтъ, я самъ столкнулъ ее въ воду. Сердце у меня разрывалось на части глядя на нее.

антонъ (обнимаетъ его). Благодарю тебя, Максимъ! Ей здѣсь пѣчсго было дѣлать.... Мы съ ней скоро увидимся.... Тамъ.... (Въ эту минуту слышится съ поля напѣвъ Коломыйки. Антонъ вслушивается, закрываетъ лицо руками). Въ послѣдній разъ доходить до насъ звукъ родной пѣсн!... (Звуки постепенно замираютъ. Обращаясь къ комиссару). Я, готовъ, господниъ комиссаръ!...

АТЕНОЪ АВА

(Занавѣсъ падаетъ. Слышенъ сборъ).